
Кира
РОУЗ
БЫВШИЙ ХИРУРГ.
ТЫ СПАСЕШЬ
НАШУ ДОЧЬ

Кира Роуз

Бывший-хирург. Ты спасешь нашу дочь

«Литнет»
2026

Роуз К.

Бывший-хирург. Ты спасешь нашу дочь / К. Роуз — «Литнет», 2026

Напряженно ⋆ Переживательно ⋆ХЭ — Я проведу операцию. Но для начала, скажи мне, Ника, — холодно говорит мой бывший муж, не сводя глаз с моей дочери. — Сколько ей лет? В этот момент у меня внутри все обрывается: он понял.Пять лет назад я застала мужа, блестящего кардиохирурга Артёма Власова, с дочерью главврача. В тот же вечер он выбрал карьеру, статус и новую женщину рядом. Я ушла молча. Он так и не узнал, что я беременна. Теперь нашей дочери нужна срочная операция на сердце. И сделать её может только один человек в стране — мой бывший муж. Он спасёт Соню. Но когда узнает правду, начнётся война, в которой на кону будет не только сердце моей дочери, но и мое право быть её матерью.В тексте есть: бывший муж кардиохирург тайная дочь властный герой-врач очень эмоционально ХЭ НОВИНКА! МУЖ ТАЙНО ПОВЕСИЛ НА МЕНЯ КРЕДИТ СВОЕЙ ЛЮБОВНИЦЫ. ОТОМЩУ!

© Роуз К., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

1. Ты свое отслужила 5
2. Точка невозврата 8
3. Чудовища в белых халатах 12
4. Сбежать любой ценой 15
Визуализации 19
5. Счет на секунды 22
6. В пасть к чудовищу 26
7. Другой мужчина 30
8. Лицом к лицу с предателем 33
9. Враг за спиной 36
10. Цена крови 40
11. Прямая линия 43
12. Моя кровь 47
13. Вердикт 51
14. Вскрытые раны 55
Конец ознакомительного фрагмента. 56

1. Ты свое отслужила

— Артем… ну серьезно, когда ты уже бросишь свою прислугу? Эта девка тебе не пара.

Дверь приоткрыта на пару сантиметров. Но вместо привычного шуршания бумаг или стука по клавиатуре, оттуда доносится тихий, тягучий женский смех.

Внутри все обрывается.

Бумажный стаканчик с двойным эспрессо обжигает ладонь, но я почти не замечаю этого. В другой руке я бережно держу тяжелый кофр с идеально отглаженным костюмом и белоснежной рубашкой.

Мой муж, Артём Власов, звезда хирургии и спаситель жизней, провел в операционной шесть часов. Я знаю, как у него после такого ломит спину и темнеет в глазах.

И я несла ему его любимым кофе, чтобы он успел хоть немного прийти в себя до того, как начнется вся эта суета с вечерним банкетом в честь юбилея клиники.

Сегодня — его триумф. Сегодня вечером весь город узнает то, что я знала всегда: мой муж, Артём Власов — гений.

Пять лет брака. Долгий путь от нищих дежурств за копейки и съемной однушки на окраине до статуса восходящей звезды кардиохирургии. Мы прошли всё это вместе, держась за руки. Я была его надежным тылом, его поддержкой и сегодня я надеялась стоять рядом с ним, гордая и счастливая.

Но стоило мне только подойти к его личной ординаторской, чтобы толкнуть дверь плечом, как я… просто застываю в шоке.

Оттуда доносится голос Евы Королевой. Дочери нашего главврача.

Холеной, самоуверенной девочки, которая смотрит на весь медперсонал как на прислугу.

Сердце делает болезненный кувырок и падает куда-то в желудок. Пальцы инстинктивно сжимают картонный стаканчик так сильно, что горячая капля выплескивается мне на кожу, но я не чувствую боли.

— Артем, ну я серьезно! — капризно тянет Ева, и я слышу звук поцелуя. Влажный, откровенный. — Я не хочу ее видеть рядом с тобой. Меня от нее аж передергивает.

Дыхание перехватывает.

Уйди, Ника!

Развернись и уйди, — кричит инстинкт самосохранения.

Но мои ноги прирастают к полу.

Я жду, что Артём осадит ее. Что скажет, как сильно любит жену, с которой прошел путь от ординатуры до статуса звезды.

Но вместо этого раздается его голос.

Ровный. Спокойный.

Тот самый хирургический тон, которым он диктует мне, операционной сестре, дозировку препаратов.

— Завтра.

Это одно слово бьет меня наотмашь, как пощечина.

— Сегодня банкет, Ева, — продолжает мой муж ледяным, рассудительным тоном. — Мне нужна идеальная картинка для прессы. Примерный семьянин, надежный человек. А завтра я подам на развод. Она свое отслужила.

Она. Свое. Отслужила.

В ушах начинает звенеть.

Воздух вдруг становится плотным, как бетон.

Я для него — всего лишь вещь. Ступенька, по которой он поднялся наверх, и которую теперь можно просто перешагнуть.

Моя рука сама толкает дверь.

Петли тихо скрипят, и я переступаю порог.

Они даже не лежат на диване.

Ева сидит прямо на его рабочем столе, а ней расстегнутый настежь медицинский халат, под которым нет ничего, кроме дорогого провокационного черного кружева. Ее длинные загорелые ноги в чулках бесстыдно обхватывают бедра Артёма.

А он… Мой муж стоит вплотную к ней. Его сильные, красивые руки с длинными пальцами — те самые руки хирурга, которые я с благоговением целовала перед каждой его тяжелой операцией — сейчас жадно сминают ее грудь.

Они поворачивают головы одновременно.

Я жду испуга. Жду, что они отшатнутся, что Артём побледнеет, начнет судорожно оправдываться.

Но этого не происходит.

Ева даже не пытается прикрыться. Она лишь лениво, по-кошачьи выгибает спину, неторопливо поправляет растрепавшуюся прядь идеального блонда и смотрит на меня.

В ее глазах — ни капли стыда. Только сытая, презрительная усмешка победительницы, смотрящей на жалкую неудачницу.

Артём не суетится. Ни один мускул не дрогает на его породистом лице. Он медленно, с неохотой отстраняется от Евы, выпускает из рук её грудь.

Спокойно, словно перед ним не его законная жена, он поправляет штаны и одергивает свой белоснежный халат.

Его темно-серые глаза встречаются с моими, обдавая меня арктическим холодом.

— Закрой дверь с той стороны, Ника, — чеканит он, и в голосе звенит металл. — Тут вообще-то люди ходят. И будь добра, приведи себя в порядок к семи вечера. Нам еще играть счастливую пару.

Эти слова. Этот равнодушный, пустой взгляд.

«Отслужила». «Закрой дверь». «Играть счастливую пару»

Внутри меня что-то лопается.

Пять лет моей жизни, моей слепой преданности, всех моих жертв ради его карьеры — он только что перечеркнул их одной фразой.

Я была для него не любимой женщиной. Я была лишь удобной обслугой, которой теперь брезгливо приказывают тихо прикрыть дверь и не мешать им наслаждаться жизнью.

Шок спадает, и пустоту в груди мгновенно заполняет слепая, обжигающая ярость.

— Закрыть дверь?! — мой голос срывается, переходя в отчаянный, хриплый крик. Меня трясет так, что кофр с его костюмом падает на пол. — Да пошел ты к черту, Артём! Никуда я с тобой не пойду!

Моя рука взлетает сама собой. Я даже не даю себе времени на раздумья — со всего размаха я швыряю картонный стаканчик с обжигающе горячим двойным эспрессо прямо в его идеальное, надменное лицо.

Темная горячая жидкость с брызгами разлетается по его породистому профилю. Кофе стекает по его скулам и густо заливает безупречно белую футболку под распахнутым медицинским халатом.

— А-а-а! Тварь! — пронзительно, до звона в ушах визжит Ева.

Горячие капли веером оседают на её обнаженной коже и на вульгарно-дорогом черном кружеве. Она в ужасе шарахается назад, едва не падая со стола. Её красивое, ухоженное лицо искажается от искренней, неподдельной ненависти.

— Ты что творишь, ненормальная?! — орет она, судорожно оттирая темные пятна с бедра. — Тём, вышвырни эту сумасшедшую дрянь отсюда! Немедленно!

Но Артём не смотрит на неё.

Он будто не замечая кипятка, стирает его с лица. Но не смотря на его мнимое спокойствие, его непроницаемая маска дает трещину. Из-под неё проступает истинное нутро — лицо жестокого, властного монстра, который не терпит неповиновения.

Его ноздри хищно раздуваются, челюсти сжимаются с такой силой, что на скулах ходуном ходят желваки.

Я инстинктивно пячусь назад, внезапно осознав масштаб того, что наделала, но не успеваю сделать и вдоха.

В долю секунды он преодолевает разделяющее нас расстояние. Делает резкий, звериный рывок, и его длинные пальцы, как стальные тиски, смыкаются на моем запястье.

Я вскрикиваю от острой боли.

Он сжимает мою руку с такой нечеловеческой силой, что на глазах выступаю слезы. Это уже не руки гениального хирурга, призванные спасать жизни. Это руки палача, готового сломать меня пополам.

Он дергает меня на себя, грубо впечатывая спиной в дверной косяк.

— Пусти! — шиплю я сквозь стиснутые зубы, пытаясь вырваться, но он лишь безжалостно вдавливает пальцы в мою плоть, оставляя там наливающиеся багровым синяки.

Артём наклоняется к самому моему лицу.

От него пахнет пролитым кофе, дорогим парфюмом и яростью. Его глаза сейчас черные от бешенства.

— Еще как пойдешь, — чеканит он мне прямо в губы тихим, змеиным шепотом, от которого по позвоночнику стекает ледяной пот. — Наденешь то темно-синее платье, которое я купил, и будешь весь вечер улыбаться моему новому тестю. Иначе я сделаю так, что с завтрашнего дня тебя не возьмут на работу даже санитаркой в районной поликлинике. Я уничтожу тебя и твою профессию, Ника. Выбирай.

2. Точка невозврата

Темно-синий шелк скользит по коже холодным водопадом.

Я застегиваю молнию на спине, и мне кажется, что я затягиваю на собственной шее тугой ошейник.

Смотрю на себя в зеркало и не узнаю женщину в отражении. Бледная, с потухшим взглядом. Я беру спонж и щедро набираю тональный крем.

Сначала замазываю темные круги под глазами — следы слез, которые я давила в себе последние несколько часов. А затем опускаю взгляд на свое правое запястье.

На светлой коже отчетливо проступают багровые пятна — следы его пальцев.

Я методично, слой за слоем, вбиваю крем в синяки, пряча эту уродливую правду от чужих глаз.

Почему я не сбежала?

Почему просто не собрала вещи?

Ответ бьет наотмашь: потому что тогда у меня не останется вообще ничего. Моя профессия, операционная, спасение жизней — это всё, что у меня есть.

Артём не шутил. В его власти уничтожить меня, мою карьеру, все, чего я добилась, по одному щелчку пальцев.

А потому, я иду на этот банкет, как на эшафот, потому что это цена моего выживания.

Через час мы выходим из машины перед сияющим фасадом ресторана.

Вспышки фотокамер бьют по глазам, ослепляя.

Артём мгновенно преображается. Тот жестокий, холодный монстр из ординаторской исчезает, уступая место харизматичной звезде хирургии.

Он ослепительно улыбается репортерам, машет рукой коллегам. Идеальный фасад. Безупречный мужчина.

Его рука по-хозяйски ложится мне на талию.

Для объективов камер это жест любящего мужа. Но под плотной тканью платья его пальцы сжимаются с такой безжалостной силой, что я едва сдерживаю вскрик.

Он впивается мне в ребра, контролируя каждый мой вдох, каждый шаг.

— Улыбайся, — доносится до меня его тихий, бархатный шепот, от которого по спине бежит мороз. Он не разжимает идеальных губ, но я слышу в голосе сталь. — Не стой как деревянная. Ты моя жена, соответствуй.

Я растягиваю губы в неком подобии улыбки, чувствуя себя сломанной марионеткой и ненавидя себя за это.

Мы входим в роскошный зал, залитый золотым светом хрустальных люстр. Я пытаюсь поймать взгляды коллег — тех, с кем каждый день здороваюсь, с кем пью кофе в сестринской, кого считала своими приятелями.

Старшая медсестра Леночка поспешно отворачивается, делая вид, что очень увлечена бокалом шампанского. Анестезиолог Марков прячет глаза и отходит в сторону.

Вокруг нас образуется невидимый вакуум.

— Смотри, друг на друга даже не смотрят... значит, это правда, — доносится до меня чей-то приглушенный шепот из-за соседнего столика.

Мое сердце пропускает удар, а потом срывается в болезненный галоп.

Я оборачиваюсь и ловлю на себе взгляд одной из врачей УЗИ — смесь жалкой снисходительности и насмешки.

Господи. Они все знали.

В голове вспышками проносятся воспоминания: внезапно смолкающие разговоры, когда я заходила в ординаторскую. Сочувственные вздохи за спиной. Странные, липкие взгляды.

Вся клиника уже давно обсуждала роман гениального кардиохирурга и дочери босса. Все всё знали, шептались по углам, и только я, законная жена, была слепой идиоткой, стиравшей его одежду и ждавшей его с ночных дежурств.

Чувство тотальной социальной изоляции обрушивается на меня, выдавливая из легких остатки воздуха.

Я здесь совершенно одна.

В кольце врагов и равнодушных свидетелей моего позора.

Внезапно раздается звон приборов о хрусталь. Гул голосов стихает.

На сцену, в лучи софитов, поднимается Эдуард Королёв — наш главврач. Он берет микрофон, источая сытую, хозяйскую уверенность.

— Дорогие друзья! Сегодня мы чествуем не просто юбилей нашего центра. Мы открываем новую страницу! — его голос гремит над затихшим залом. — Я рад анонсировать запуск нового элитного крыла кардиологии. И я точно знаю, в чьи надежные руки отдам этот проект. Артём Андреевич, прошу вас!

Артём отпускает мою талию, словно сбрасывает ненужный балласт, и уверенным, пружинистым шагом поднимается на сцену. Зал взрывается аплодисментами.

— Но такой масштабный проект требует не только медицинского гения, но и блестящего управления, — продолжает Королёв с широкой улыбкой. — Поэтому соруководителем крыла назначается моя правая рука, моя гордость — Ева Королёва. Доченька, поднимись к нам!

Под новые, еще более оглушительные овации Ева вспархивает на сцену.

И в этот момент мир вокруг меня окончательно рассыпается на осколки.

Я смотрю на них и перестаю дышать.

Только сейчас я замечаю это.

На Еве потрясающее вечернее платье глубокого графитового оттенка. Точно такого же оттенка, как костюм моего мужа. Ни на тон светлее, ни на тон темнее. Идеальная пара.

Они стоят рядом, плечом к плечу. Артём наклоняется к Еве, что-то шепчет ей на ухо, и она звонко смеется, запрокидывая голову и касаясь рукой его груди.

Жест, пропитанный такой откровенной интимностью, что у меня темнеет в глазах.

Они выглядят как настоящая семья. Как король и королева этого вечера, победители, которым принадлежит весь мир.

А я... Я стою внизу, в полумраке зала, зажатая толпой чужих людей.

В своем темно-синем платье, которое Артём купил мне специально, чтобы я не выделялась. Чтобы не разрушала их гармонию.

Я физически ощущаю, как меня стирают.

Вымарывают из его жизни, из истории клиники, из настоящего. Прямо сейчас, на глазах у сотен людей, Артём Власов перешагивает через меня, чтобы пойти дальше со своей новой, «правильной» женщиной.

Я задыхаюсь. Воздух в зале внезапно становится густым, липким, пропитанным фальшью и дорогими духами. Аплодисменты бьют по барабанным перепонкам, когда Артём целует Еву в щеку прямо под вспышками камер.

Я не выдерживаю.

Разворачиваюсь и почти бегом пробираюсь сквозь толпу, подальше от этого света, от их торжества. Распахиваю стеклянные двери и выскакиваю на пустую открытую террасу.

Холодный ночной ветер бьет в лицо, я судорожно глотаю воздух, вцепившись дрожащими пальцами в ледяные чугунные перила. Слезы всё-таки прорываются, обжигая щеки.

Позади раздается знакомый, размеренный звук шагов.

— Какого черта ты устраиваешь спектакль? — голос Артёма звучит глухо и раздраженно. Он даже не пытается сделать вид, что пришел меня успокоить. — Вернись в зал. Люди смотрят.

Я резко оборачиваюсь.

В полумраке террасы его лицо кажется высеченным из камня. Никаких эмоций. Никакой жалости.

— Спектакль?! — мой голос срывается на хрип. Меня трясет то ли от холода, то ли от разрывающей изнутри боли. — Артём, мы женаты пять лет! Мы спали на одном надувном матрасе в съемной однушке! Я дежурила сутками, чтобы купить тебе первые нормальные инструменты! Неужели эти пять лет для тебя вообще ничего не значат?! Как ты мог так со мной поступить?!

Он медленно засовывает руки в карманы идеально скроенных брюк. В его взгляде, направленном на меня, нет даже вины — только брезгливая усталость.

— Прекрати истерику и включи голову, Ника, — холодно и рассудительно чеканит он. — Посмотри на этот зал через стекло. Кого ты там видишь? Там инвесторы, академики, чиновники из Минздрава. Ева в этом выросла. Она умеет с ними говорить, она одним звонком открывает любые двери, до которых мне пришлось бы ползти годами. А ты?

Он делает шаг ко мне, нависая, давя своим авторитетом.

— Ты хороша для студенческого общежития. Хороша для того, чтобы вовремя подать скальпель в операционной и приготовить ужин. Но мое будущее требует женщины другого калибра. Женщины, с которой не стыдно выйти в высший свет. Ты — серая мышь, Ника. Обычная обслуга. Ты никто, а уж без меня — тем более. Если я заберу свою фамилию и защиту, ты растворишься. Ты перестанешь существовать.

Его слова — как скальпель, вскрывающий грудную клетку без анестезии.

Меня физически мутит от его расчетливой, бездушной жестокости. Но именно эта невероятная, запредельная грязь внезапно отрезвляет.

Слёзы высыхают.

Я выпрямляю спину, глядя прямо в его ледяные глаза.

— Ты не перерос меня, Артём, — говорю я тихо, но так твердо, что он едва заметно хмурится. — Ты просто выгодно продался. Иди к своей хозяйке, пока она не спустила тебя с поводка. А я ухожу. Больше мне здесь делать нечего!

Я разворачиваюсь и ухожу, не смотря на его крики и угроз, оставляя его одного на балконе.

Моей гордости не хватит на то, чтобы вернуться в этот зал.

***

Наша квартира встречает меня мертвой тишиной. Артём остался там, «праздновать» свой триумф и свою новую жизнь.

Пальцы не слушаются, когда я дергаю заедающую молнию.

Темно-синее платье, этот унизительный ошейник, падает к моим ногам. Я пинаю его в угол и иду в ванную. Включаю ледяную воду, яростно тру лицо, смывая тональный крем, смывая эту фальшивую маску идеальной жены.

И вдруг мир делает резкий кувырок.

Горло сдавливает тошнота — такая сильная и резкая, что я едва успеваю осесть на холодный кафель, обнимая фаянс унитаза.

Спазм выкручивает внутренности.

Я тяжело дышу, прижимаясь лбом к прохладной плитке.

Нервы. Это просто срыв. Отвращение к мужу, от которого меня теперь буквально выворачивает наизнанку.

Дрожащей рукой я тянусь за полотенцем, висящим на крючке над раковиной. Пальцы соскальзывают, цепляют ремешок моей сумочки, оставленной на краю стиральной машины. Сумка с грохотом летит вниз.

По полу разлетаются вещи: помада, ключи, рабочий бейдж… и маленькая картонная коробочка.

Его я купила утром, потому что последние пять дней меня преследовала тянущая, ноющая боль внизу живота, а вчерашний кофе показался мне вкус как жженая резина, при том что это была одна и та же банка.

Я купила этот тест просто чтобы подстраховаться, но сейчас…

Сейчас меня буквально трясет.

Пальцы сами разрывают картонку. Я делаю всё на полном автомате, словно в трансе, просто чтобы исключить это безумие.

Сажусь прямо на пол, прижав колени к груди. Секунды тянутся как часы. Капля влаги ползет по белому окошку индикатора.

Проступает одна полоска.

Я шумно, со всхлипом выдыхаю.

Слава богу. Господи, спасибо. Я свободна. Я могу уйти, уехать, исчезнуть из его жизни навсегда, без единой ниточки, которая бы нас связывала.

Я опираюсь рукой о стену, собираясь подняться и выбросить этот кусок пластика в мусорное ведро.

Но краем глаза замечаю, как фон в прямоугольном окошке светлеет.

Я замираю.

Рука с тестом начинает трястись мелкой, неудержимой дрожью.

Рядом с первой полоской, прямо на моих глазах, медленно и безжалостно наливается цветом вторая.

Не бледная. Не призрачная. Яркая, четкая, бордовая.

— Нет… нет, нет, нет! — шепчу я, зажимая рот ладонью, чтобы не закричать.

Я беременна.

Я ношу ребенка от человека, который два часа назад вытер об меня ноги, пригрозил уничтожить мою карьеру и прямо заявил, что я — пустое место, недостойное его великого будущего.

3. Чудовища в белых халатах

Я сижу на ледяном кафеле в ванной, судорожно вдыхая воздух, который вдруг стал густым и колючим.

Меня рвет на части от противоречивых, удушающих эмоций.

С одной стороны — жгучая, слепая ненависть к мужчине, который растоптал меня, назвал «обслугой» и пригрозил уничтожить.

От одной мысли о том, что его руки, сжимавшие грудь Евы, касались меня, к горлу подкатывает тошнота. Я больше никогда не лягу с ним в одну постель. Никогда не прощу. Для меня как мужчина, как муж — он умер вчера в той ординаторской.

Но с другой…

Моя дрожащая ладонь медленно, почти благоговейно опускается на еще плоский живот.

Под тонкой тканью домашней футболки бьется новая жизнь.

Крошечная, беззащитная.

Мой ребенок.

Горячие слезы всё-таки срываются с ресниц и катятся по щекам. Я поглаживаю живот, чувствуя, как внутри зарождается что-то совершенно новое.

Неукротимый, дикий инстинкт.

Я больше не одна.

Артём предал меня. Вытер об меня ноги ради статуса и денег. Но он же врач, он хирург, который каждый день спасает чужие жизни, вытаскивая людей с того света.

Он просто не может, не имеет права отвернуться от собственной крови. Ребенок — это святое.

Я обязана сказать ему правду.

Не для того, чтобы удержать — мне больше не нужен муж-предатель, — но хотя бы для того, чтобы у моего малыша был отец. Я не стану жалкой брошенкой, которая годами лжет своему ребенку, что папа «уехал в долгую командировку» или «ушел за хлебом и не вернулся».

Он должен знать.

Он должен взять на себя ответственность, а мы… мы просто уедем.

Эту ночь я провожу в самом настоящем аду, не сомкнув глаз.

Артём так и не возвращается домой.

Запах его парфюма на подушке сводит меня с ума, напоминая о том, что прямо сейчас он делит постель с дочерью главврача, празднуя свой триумф и свое освобождение от «серой мыши».

Утром я надеваю чистую хирургическую робу. Прячу тест в карман, где он жжет бедро, как раскаленное клеймо.

Когда я переступаю порог кардиоцентра, воздух кажется отравленным. Вчерашний банкет расставил всё по своим местам. Новость о том, что Артём Власов официально стал парой с Евой Королёвой, уже разлетелась по всем этажам.

Я иду по коридору и чувствую себя призраком.

Всё изменилось. Те самые медсестры, с которыми я вчера пила чай, при моем появлении резко замолкают и разбегаются по палатам. Врачи, с которыми я бок о бок отстояла сотни операций, в открытую отводят глаза. Кто-то у регистратуры за спиной шепчется уже в открытую, провожая меня брезгливыми и жалкими взглядами.

Для этой клиники, которой я отдала пять лет жизни, стирая в кровь ноги на дежурствах, я больше не Ника Власова, лучшая операционная сестра. Я — отработанный материал.

Грязное пятно на безупречной репутации новой «звездной пары».

Раньше я бы сгорела от стыда. Забилась бы в сестринскую и разрыдалась, умоляя дать мне уволиться по-тихому.

Но сейчас моя рука крепко сжимает в кармане пластиковый прямоугольник с двумя полосками.

Я выпрямляю спину. Поднимаю подбородок.

Чужие насмешливые взгляды бьют в спину, но они больше не ранят так сильно. Я иду сюда не ради себя. Я иду защищать своего ребенка.

И это дает мне такой железный внутренний стержень, о существовании которого я даже не подозревала.

Я сворачиваю в административное крыло.

Кабинет главврача Эдуарда Королёва находится в самом конце устланного коврами коридора.

Именно туда несколько минут назад вызвали Артёма для подписания документов на руководство новым отделением.

Сердце бьется о ребра тяжелым, гулким набатом.

Я перехвачу его там.

Толстый ковер скрадывает звук моих шагов. Я подхожу к массивным дубовым дверям приемной главврача.

Дверь в кабинет приоткрыта. Я уже заношу руку, чтобы толкнуть ее, когда оттуда доносится голос Евы. Тонкий, брезгливый, пропитанный ядом.

— Она вчера ворвалась как сумасшедшая, облила нас кофе! — капризно возмущается она. — Тём, она же реально поехавшая. А если эта чокнутая еще и залетит, чтобы тебя удержать? Она же тогда с тебя не слезет, будет годами охотиться за алиментами, таскать нас по судам! А нам с новым проектом эта грязь в прессе не нужна! Это испортит наш имидж!

Моя рука замирает в миллиметре от деревянного полотна. Воздух застревает в легких.

Не смотря на то, что случилось между мной и мужем вчера, я жду, что Артём ее осадит. Я жду, что у него осталась хоть толика уважения ко мне.

Но до меня доносится его голос.

Ледяной. Спокойный. И что самое пугающее, абсолютно равнодушный.

— Не истери, Ева, — чеканит мой муж. — Я и так прекрасно понимаю, что при разводе дети нам не нужны. Это лишние проблемы. Но этого не будет, можешь расслабиться. Она не беременна.

В груди что-то с тишим звоном обрывается и падает в черную, бездонную пропасть.

Дети нам не нужны.

Одно предложение, брошенное так легко, словно речь идет о покупке машины.

Он только что перечеркнул нас. Не только меня — своего ребенка.

— И всё-таки, риски надо исключать, — этот бархатистый, властный баритон принадлежит Эдуарду Королёву, отцу Евы и хозяину этой клиники.

Я инстинктивно прижимаюсь спиной к стене рядом с дверью, не в силах пошевелиться.

— Ева, девочка моя, ты забываешь, что это моя клиника, — спокойно, с пугающей рассудительностью продолжает главврач. — Даже если эта истеричка вдруг залетела, мы просто не дадим ей выносить ребенка.

Мои глаза расширяются от первобытного, животного ужаса.

— Устроим медосмотр, — размеренно планирует Королёв, словно обсуждает закупку новых шприцев. — Найдем несуществующую патологию плода. Я лично прослежу, чтобы ей выписали «правильные» витамины, которые спровоцируют выкидыш, или просто отправим на чистку по медпоказаниям прямо здесь, в нашем отделении. Вы с Артемом — моя главная ставка. И никакая медсестра с ее приплодом мне этот проект не поломает. Понятно?

— Да, Эдуард Сергеевич. Вы правы, — ровно отвечает Артём.

Он соглашается.

Мой муж.

Он соглашается с тем, что моего ребенка, его плоть и кровь, можно просто «выскоблить» ради их имиджа.

Ледяной, парализующий ужас сковывает каждую клеточку моего тела.

Меня начинает бить крупная, неконтролируемая дрожь.

Я физически отшатывается от двери, обеими руками зажимая себе рот, чтобы из горла не вырвался крик.

К горлу подкатывает едкая желчь. Перед глазами всё плывет.

Это не люди. Это чудовища.

Монстры в белоснежных халатах, которые используют медицину не для того, чтобы лечить, а для того, чтобы убивать неугодных.

Я смотрю на дверь кабинета, и с моих глаз окончательно спадает пелена. Иллюзии разбиваются в пыль, оставляя после себя только выжженную пустоту.

Артёму говорить нельзя. Категорически.

Мужчина, которого я любила пять лет, только что умер для меня окончательно. Он не просто отказался от жены — он приговорил своего нерожденного ребенка.

Мои руки судорожно ложатся на живот, закрывая его, защищая.

Я никому не позволю тебя тронуть. Никогда.

В голове бьется только одна мысль.

Я не должна здесь оставаться ни секунды. Никаких разговоров. Никакой правды. Я должна уволиться из этого медицинского ада как можно быстрее и бежать.

Куда угодно.

На край света, в другой город, лишь бы подальше от Артёма и его новой семьи.

Туда, где мой ребенок будет в безопасности.

***

Она шла к мужу с самой счастливой новостью. А услышала, что её нерождённого малыша готовы уничтожить ради карьеры… ##

Дорогие читательницы, если вы тоже всем сердцем за Нику, поддержите её историю ❤#

Поставьте книге лайк (мне нравится) и подпишитесь на автора:

https://litnet.com/shrt/6Jha

Впереди нас ждёт ещё много эмоций!

4. Сбежать любой ценой

Я в животном ужасе пячусь от двери, мечтая лишь об одном — стать невидимкой, раствориться в этом проклятом стерильном воздухе.

Но стоит мне сделать пару шагов, как тяжелая дубовая створка с грохотом распахивается.

На пороге — Артём. В руках папка, взгляд острый, как скальпель. Он натыкается на меня, и его брови ледяным изломом взлетают вверх.

— Подслушиваешь, Ника? Как жалко, — его голос сочится ядовитым презрением.

Паника накрывает меня ледяной волной, заставляя внутренности сжаться.

Руки в карманах начинают мелко дрожать, и я до боли сжимаю пластиковый корпус теста, боясь, что он сейчас услышит бешеный стук моего сердца.

Я должна быть сильнее. Ради ребенка.

— Я пришла за разводом, Артём. И за увольнением. Работать вместе с тобой я больше не буду, — бросаю я, вкладывая в голос всю ту ненависть, что кипит во мне. — Давай свои бумаги. Я подпишу всё прямо здесь, чтобы навсегда забыть о твоем существовании. От тебя мне ничего не надо.

Мне нужно казаться раздавленной. Сломленной «серой мышью», которой больше нечего терять.

Только бы он не увидел этот безумный, материнский блеск в моих глазах.

Артём усмехается.

Достает ручку, вытаскивает заранее подготовленные бланки и прижимает их прямо к стене коридора. Подготовился, мерзавец.

Я подписываю заявление на развод и увольнение по собственному, даже не глядя на строки. Каждая буква — гвоздь в гроб нашего брака. Каждая закорючка — шаг к свободе моего ребенка.

— Вот и всё, — я отдаю ему ручку, стараясь, чтобы наши пальцы не соприкоснулись. Отворачиваюсь, готовая бежать отсюда, не оглядываясь.

— Не так быстро, Вероника.

Голос Эдуарда Королёва заставляет меня замереть.

Главврач выходит из кабинета медленно, по-хозяйски. Его взгляд — тяжелый, оценивающий, липкий — скользит по мне, словно я патологический орган, требующий удаления.

— Видите ли, как раз недавно я ввел новые правила для клиники, — мягко, как удав, говорит он, подходя ближе. — Чтобы вам выдали трудовую при срочном увольнении, сотрудник обязан пройти полный медосмотр. Прямо сейчас. Это стандартная процедура исключения рисков. Пройдите пожалуйста в кабинет четыреста двенадцать, к доктору Завьяловой.

В ушах начинает звенеть.

Завьялова.

Карманный гинеколог Королёва. Женщина, которая сделает всё, что прикажет главврач.

Это самый настоящий капкан.

Если я сейчас сяду в это кресло, Завьялова увидит изменения шейки матки. Один звонок главврачу — и я просто «случайно» потеряю сознание от укола.

Очнусь уже пустой. Без своего малыша. Они просто бессердечно избавятся от него и я ничего не смогу сделать.

— Иди, куда сказали. Не задерживай нас, — Артём раздраженно берет меня за локоть.

Его пальцы впиваются в кожу, и мне хочется закричать от омерзения.

Мне невыносимо от его близости. Человек, с которым я мечтала встретить старость, сейчас своими руками ведет меня в камеру пыток.

Но сопротивляться мне нельзя. Здесь больница. Одно лишнее движение, один крик — и меня скрутят санитары, вколют успокоительное, и я проснусь уже в операционной.

— Хорошо, — шепчу я, опуская голову.

Я изображаю полную покорность.

Позволяю Артёму вести меня по коридору. Каждый шаг к четыреста двенадцатому кабинету кажется мне пыткой.

Внутри меня всё кричит от ужаса, но внешне я — лишь тень прежней Ники.

Дверь смотровой распахивается. Артём остается в коридоре, прислонившись к стене с видом человека, делающего скучное одолжение.

Внутри — холодная, стерильная белизна, от которой режет глаза. Слепящий свет ламп отражается от никелированных инструментов. Гинекологическое кресло в центре комнаты кажется мне средневековой дыбой.

Завьялова сидит за столом. Она суровая сорокалетняя тетка, ее глаза — холодные, рыбьи, лишенные всякого намека на врачебное сострадание.

— Власова? Раздевайтесь, ложитесь, — командует она, надевая хрустящие латексные перчатки. — Королев сказал провести полный осмотр по женской части, в том числе УЗИ.

Я замираю посреди комнаты, чувствуя, как липкий пот течет по спине.

Это конец.

Доктор Завьялова небрежно тянется к аппарату УЗИ.

Время сжимается.

Я физически чувствую, как тикают секунды жизни моего ребенка.

У меня есть буквально минута, прежде чем точка невозврата будет пройдена.

Прежде чем датчик коснется моего живота.

И за эту несчастную минуту я обязана что-то придумать. Как-то вырваться из этого ада.

Паника скручивает внутренности ледяным узлом.

Желудок делает болезненный кульбит, и к горлу подкатывает абсолютно реальная, невыносимая тошнота. Меня бросает в холодный пот, перед глазами пляшут черные точки.

— Меня… меня сейчас стошнит, — выдыхаю я, хватая ртом воздух и натурально оседая на подкашивающихся ногах. — Пустите… пустите в туалет!

Завьялова брезгливо морщится и небрежно машет рукой в сторону двери, ведущей в смежную с кабинетом уборную.

— Только быстро. Не разводи тут грязь, Власова, — цедит она, — Я битый час тут все в порядок приводила.

Я влетаю в крошечное помещение, захлопываю за собой дверь и дрожащими, непослушными пальцами с силой задвигаю щеколду.

Всё. Я в ловушке.

Но я знаю эту больницу лучше, чем саму себя.

Я знаю каждый её гребаный сантиметр. Знаю, что прямо над раковиной здесь есть техническое окно, которое выходит на глухую стену и старую пожарную лестницу.

Я запрыгиваю на край раковины и вцепляюсь в тугую, заржавевшую ручку рамы. Она не поддается.

— Давай же… давай! — шепчу я, срывая голос.

Я тяну со всей дури.

Ногти обламываются, из-под них выступает кровь, пачкая белый пластик, но я не чувствую боли.

Боль — ничто по сравнению со страхом за малыша.

Наконец, рама со скрежетом поддается и распахивается.

И в этот же момент в дверь туалета раздается оглушительный, яростный стук.

— Ника! Прекрати этот цирк и выходи! — голос Артёма гремит по ту сторону, вибрируя угрозой. Он дергает ручку.

— Уж не тебе меня поторапливать! — выкрикиваю я, стараясь, чтобы голос звучал как можно более озлобленно. Благо, имитировать это мне толком и не приходится, — Я целую ночь не спала из-за тебя! Мне плохо! Имей хотя бы остатки совести и дай мне пять минут прийти в себя!

Сердце останавливается.

Я протискиваюсь в узкий проем, обдирая кожу на плечах, и вываливаюсь на ржавую железную решетку пожарной лестницы.

В лицо тут же бьет ледяной, пронизывающий осенний дождь.

Я в одной тонкой медицинской робе, но холод не имеет значения. Я сбегаю по скользким, дрожащим ступеням вниз, в спасительную серость заднего двора.

Заскочив через технический вход на минус первый этаж, я влетаю в пустую сестринскую раздевалку.

Судорожно выхватываю из шкафчика свою сумку и накидываю куртку.

Домой ехать нельзя. Как только Артём поймет, что я сбежала, он первым делом отправит туда людей или поедет сам.

Обойдусь тем, что у меня есть при себе. Паспорт, карточка и немного налички.

Я выбегаю за территорию клиники.

Дождь хлещет по щекам, смешиваясь со слезами. Через дорогу светится зеленая вывеска аптеки. Я врываюсь туда, подлетаю к банкомату и трясущимися руками вставляю карту.

Снимаю всё. Под ноль.

Жалкие копейки, которые я откладывала с ночных дежурств, пока мой муж кувыркался с любовницей.

Банкомат выплевывает тонкую пачку купюр. Этого едва хватит на месяц съема жилья.

Я выскакиваю на улицу и прыгаю в первую попавшуюся маршрутку до вокзала.

Меня трясет.

Я буквально остаюсь на улице без денег, без защиты.

Пока мы едем, мой взгляд падает на правую руку.

Как только маршрутка тормозит у привокзальной площади, я выбегаю и мчусь к мигающей неоновой вывеске первого попавшегося ломбарда. Врываюсь внутрь, срываю с безымянного пальца золотое обручальное кольцо — символ моей ошибки — и с силой бросаю его на поцарапанное стекло витрины.

— Сколько дадите? — хрипло спрашиваю я у сонного оценщика. — Мне нужны наличные. Срочно.

Через десять минут я стою у кассы вокзала с пачкой помятых купюр и покупаю билет на ближайший пригородный поезд. В провинцию.

Для начала к старшей сестре, а там может еще дальше. В глушь, где Артём никогда не станет меня искать.

Мне до одури страшно. У меня нет нормальной одежды, нет работы, нет будущего.

Но когда я сажусь в жесткое кресло старой электрички и поезд с лязгом трогается, увозя меня прочь из города, я кладу дрожащие ладони на свой живот. И сквозь панику я чувствую правильность моего выбора.

За окном мелькают размытые дождем серые пейзажи.

«Мы справимся, мой хороший, — мысленно шепчу я, поглаживая себя. — Я выживу. Я буду мыть полы, я буду работать сутками, но я не дам тебя в обиду. Он никогда не узнает о тебе. Никогда. Я обещаю».

Я закрываю глаза, пытаясь успокоить дыхание.

И тут в кармане вибрирует телефон. Экран вспыхивает резким белым светом.

Одно новое сообщение. От Артёма.

Я открываю его, и по спине прокатывается волна первобытного ужаса.

«Ты сбежала через окно. Если ты думаешь, что можешь играть со мной в прятки, ты жестоко ошибаешься. Я найду тебя, Ника».

Воздух застревает в горле. Он в бешенстве от того, что его игрушка посмела сорваться с крючка.

Мои руки действуют быстрее, чем мозг. Я вытаскиваю сим-карту и ломаю этот крошечный кусок пластика пополам. С силой опускаю тяжелую раму окна электрички и выбрасываю обломки в ревущую, мокрую темноту.

Я откидываюсь на жесткую спинку сиденья, обнимая себя за плечи.

Мосты сожжены.

Теперь впереди — только пугающая, холодная неизвестность.

Визуализации

Артем Власов. Кардиохирург-звезда. Предатель. Отец, опоздавший на пять лет.

Ника Власова. Бывшая жена. Беглянка, мать-одиночка.

72
118/75
99

Ева Королева. Дочь главврача. Новая женщина Артёма. Хозяйка жизни.

5. Счет на секунды

Ледяная ноябрьская слякоть проникает сквозь трещину в старом сапоге.

Я плотнее запахиваю тонкое пальто, укрываясь от пронизывающего ветра, и упрямо шагаю вперед по темной улице спального района.

Спина гудит после шестнадцати часов на ногах.

Две смены подряд в обшарпанной районной поликлинике — это мой максимум.

Большего мне не светит.

Путь в сверкающие операционные элитных кардиоцентров закрыт для меня навсегда. Я сбежала тогда без рекомендаций, без оформленных документов, оборвав все связи.

Пять лет.

Пять долгих, выматывающих лет выживания.

Первое время нас спасала моя старшая сестра, пустив в свою квартиру, но сейчас я снимаю крошечную однушку на самой окраине города.

Я живу в режиме вечной экономии. Вся моя жизнь — это бесконечная математика: как растянуть жалкую зарплату, чтобы хватило на коммуналку и макароны.

Я по уши в долгах. Моя кредитная история пестрит просрочками по микрозаймам, потому что каждый рубль, каждая копейка, которую мне удается заработать или перехватить у знакомых, уходит на нее.

На мою Соню.

На ее регулярные обследования, на импортные таблетки, одна упаковка которых стоит как мои зимние сапоги, которые я так и не купила.

Но я ни о чем не жалею.

Я сворачиваю в обшарпанный подъезд древней хрущевки и поднимаюсь на второй этаж. Сердце, до этого тяжело бившееся от усталости, начинает порхать.

Дверь открывает тетя Валя, моя соседка и по совместительству няня, которая сидит с Соней за символическую плату. В обычный детский сад нам нельзя: любой банальный вирус, любая простуда могут стать фатальными для ее слабого сердца.

— Мамочка!

Звонкий, родной голосок разрезает полумрак прихожей.

Из комнаты выбегает моя девочка. Мое солнышко. Мой единственный смысл жизни, ради которого я дышу.

Соне пять лет, но она не по годам умная и серьезная. У нее льняные, пушистые волосы и лицо маленького, хрупкого ангела.

Она слишком бледная для здорового ребенка, но для меня нет никого красивее в целом мире.

— Мама пришла! — Соня радостно смеется и делает резкий рывок ко мне по коридору. Всего несколько быстрых шагов. Обычная детская радость.

Но для нас нормальная жизнь — это роскошь.

Я роняю сумку на грязный линолеум, потому что вижу, как на ходу улыбка сползает с лица дочери. Соня останавливается в метре от меня, вдруг тяжело опираясь ручкой о стену.

Она жадно, с присвистом хватает ртом воздух.

Ледяной, липкий ужас мгновенно парализует меня.

Носогубный треугольник Сони на глазах приобретает пугающий, синюшный оттенок. Кожа становится прозрачной.

— Сонечка, стой! Замри, маленькая! — я падаю перед ней на колени прямо в грязных сапогах, судорожно расстегивая воротник ее платьица. Мои руки трясутся, когда я нащупываю

в кармане блистер с экстренным лекарством. — Дыши вместе со мной. Давай, доченька. Вдох. Выдох.

Я выдавливаю таблетку, кладу ей под язычок, обхватываю ее крошечное, вздрагивающее тельце и заставляю смотреть на меня. Внутри меня всё кричит и бьется в истерике, но я улыбаюсь.

Я не имею права пугать ее.

Каждый наш день — это хождение по минному полю.

Жизнь моего ребенка висит на тончайшем волоске, который может оборваться от простой пробежки по коридору.

Постепенно синева отступает. Дыхание Сони выравнивается, и она виновато утыкается носиком мне в плечо.

— Прости, мамочка. Я забыла, что мне нельзя бегать, — шепчет она, и от этого недетского извинения мне хочется выть.

— Всё хорошо, мой воробушек. Всё уже хорошо, — я целую ее в макушку, вдыхая запах детского шампуня, пытаясь унять дрожь в собственных руках.

Соня отстраняется и поднимает на меня глаза.

Она слегка хмурит брови — точно так же, как делал он, когда был чем-то недоволен. И смотрит на меня своими огромными, пронзительными темно-серыми глазами.

Меня словно бьет током.

Каждый раз, каждый чертов день это происходит.

Я безумно, до животной боли люблю свою дочь, но в ней живет тень мужчины, который нас уничтожил.

У Сони глаза Артёма.

Его взгляд.

Его мимика.

Это самая изощренная, самая жестокая пытка: прижимать к груди самое дорогое, что у тебя есть, и видеть в этом лице черты палача, который пять лет назад спокойно приговорил вас обеих к смерти ради своей идеальной карьеры.

Тетя Валя стоит в дверях, судорожно прижимая к груди выцветшее кухонное полотенце. Ее лицо пепельно-серое от испуга.

— Господи, Ника… — бормочет она дрожащими губами, глядя, как к Соне возвращается нормальный цвет лица. — Может, скорую, а?

— Не нужно скорую, теть Валь, — мой голос звучит глухо, хотя внутри всё еще вибрирует натянутой струной. Я поднимаюсь с колен и аккуратно беру Соню на руки. Она легкая, как пушинка. Слишком легкая для своих пяти лет. — Таблетка подействовала. Нам просто нужен покой.

Я достаю из кармана сложенные в несколько раз купюры — плату за то, что соседка сидела с моей дочерью.

Тетя Валя отмахивается, в глазах стоят слезы, но я непреклонно сую деньги ей в карман халата. Ей тоже нужно на что-то жить.

Мы возвращаемся к себе. Крошечная съемная однушка встречает нас запахом сырости и старых обоев.

Я усаживаю Соню за шаткий кухонный стол, даю ей карандаши, а сама встаю к плите. В старой, помятой кастрюле закипает вода для самых дешевых макарон — наш сегодняшний ужин. Я машинально помешиваю их ложкой, чувствуя, как от усталости ломит поясницу.

— Мам… — вдруг тихо зовет она.

Я оборачиваюсь, вытирая влажные руки о передник.

— Что, мой воробушек?

Соня откладывает карандаш. Она смотрит на меня своими огромными, пронзительными глазами — глазами Артёма — и задает вопрос, который без ножа режет меня по живому:

— А мой папа правда летчик? Он когда-нибудь прилетит к нам? Я нарисовала ему самолет, хочу чтобы он посмотрел…

В горле мгновенно вырастает колючий ком.

Я сглатываю подступившие слезы, опираясь дрожащей рукой о столешницу.

— Конечно, правда, милая, — мой голос звучит неестественно, надтреснуто. — Он испытывает самые секретные, самые быстрые самолеты. Он летает очень далеко, но он… он обязательно когда-нибудь прилетит.

Я вру. Смотрю в эти родные серые глаза и нагло, бесстыдно вру собственному ребенку.

Внутри меня всё скручивается от жгучего стыда и ненависти к самой себе.

Пять лет назад, в то страшное утро, я шла по коридорам клиники с тестом в кармане, убеждая себя: «Я скажу ему. Ребенок не должен расти с легендой про папу-космонавта или папу, ушедшего за хлебом. Я не буду ему врать».

А теперь я делаю именно это. Выдумываю красивую сказку про героя-летчика, чтобы защитить психику дочери.

Потому что правда убьет её.

Как я могу сказать этой маленькой, светлой девочке с больным сердцем, что её настоящий отец — гениальный хирург, который хладнокровно согласился выскоблить её из моей утробы ради повышения и новой богатой жены?

Я злюсь на себя за эту ложь, но еще больше я ненавижу Артёма. Это он загнал меня в этот угол.

Он заставил меня стать лгуньей.

Он украл у нас всё.

***

Этот вечер должен был стать обычным.

Мы поужинали, я постелила на старом, вытертом ковре плед, и мы сели играть в больницу — Сонина любимая игра, от которой у меня каждый раз сжимается сердце.

Соня смеется.

Звонко, заливисто, показывая маленькие белые зубки. Она тянется ручкой к своему плюшевому медведю, сидящему на краю дивана.

И внезапно смех обрывается.

Не затихает, а именно обрывается на самой высокой ноте.

— Соня?! — я бросаюсь к ней, и мое сердце пропускает удар.

Соня замирает с вытянутой рукой.

Её рот широко открыт, она судорожно, с жутким свистящим хрипом хватает воздух, как выброшенная на берег рыба.

Глаза расширяются от паники. Мгновение — и её нежно-розовые губы темнеют, становясь пугающе синими.

— Нет! Соня! Доченька! — мой крик рвет тишину квартиры.

Меня накрывает животная, первобытная паника.

Она теряет сознание.

— Сонечка, дыши! Господи, пожалуйста, дыши!

Мои руки трясутся так сильно, что я не могу с первого раза расстегнуть пуговицы на её кофточке. Я укладываю её на пол, запрокидываю голову, дрожащими пальцами пытаюсь нащупать пульс на тонкой шейке.

Он бьется где-то далеко-далеко.

Одной рукой я пытаюсь делать непрямой массаж сердца, дозировать силу, чтобы не сломать ей хрупкие ребра, а другой вслепую, в панике шарю по полу в поисках телефона.

Кое как набираю 103.

— Скорая! Умоляю! Ребенок, пять лет, порок сердца! Остановка дыхания! Улица Строителей, дом восемь! Быстрее, она умирает! — ору я в трубку животным, нечеловеческим голосом.

Меня накрывает тот самый липкий, парализующий ужас.

Точно такой же, как пять лет назад, когда я стояла перед дверью кабинета Эдуарда Королёва и слушала, как моему ребенку выносят смертный приговор.

Тогда я смогла её спасти.

Смогла сбежать и укрыть от монстров в белых халатах.

Но сейчас смерть пришла за ней с другой стороны.

На этот раз моя девочка умирает у меня прямо на руках по-настоящему. И я ничего не могу сделать.

6. В пасть к чудовищу

Холодный линолеум коридора реанимации обжигает сквозь тонкую ткань брюк, но я этого почти не чувствую.

Я сижу на полу, привалившись спиной к выбеленной стене, и мои пальцы судорожно впиваются в собственные плечи.

Меня трясет.

Мелкой, противной дрожью, которую невозможно унять.

Прошло три часа.

Триста тридцать минут тишины, прерываемой только приглушенным писком приборов за тяжелой двойной дверью с надписью «Палаты Интенсивной Терапии».

— Господи, пожалуйста... — шепчу я, закрывая глаза. — Не забирай её. Забери меня. Мою жизнь, моё здоровье, мою удачу — всё, что осталось, только пусть её сердце дышит.

Я готова на любую сделку.

С богом, с дьяволом, с самой судьбой. Лишь бы Соня открыла свои крохотные глазки.

Дверь реанимации со скрежетом распахивается. Я вскакиваю, едва не теряя равновесие от резкого скачка давления.

Выходит врач-реаниматолог, пожилой мужчина с глубокими морщинами на переносице. Он снимает маску, и его взгляд скользит мимо меня. Вниз, на свои руки, в сторону — куда угодно, только не в моё лицо.

Внутри меня всё обрывается и летит в ледяную пропасть.

Я знаю этот взгляд. Я сама видела его сотни раз, когда работала в кардиоцентре.

Это взгляд-приговор.

— Мы стабилизировали её, Вероника Николаевна, — голос врача звучит глухо и устало. — Но вы должны понимать... Ресурс сердца практически исчерпан. Таблетки больше не держат. Клапан разрушается, декомпенсация идет слишком быстро.

— Сделайте операцию! — я хватаю его за рукав халата, заглядывая в глаза, пытаясь вырвать хоть каплю надежды. — Я найду деньги, я возьму еще десять смен, я продам почку, что угодно! Пожалуйста, прооперируйте её здесь!

Врач тяжело вздыхает и наконец смотрит на меня. В его глазах — горькое сочувствие и бессилие.

— Мы не возьмемся, Вероника. Риск летальности на нашем столе — девяносто процентов. Она не перенесет даже наркоза. Здесь нужна уникальная реконструкция, ювелирная работа на открытом сердце с использованием технологий, которых у нас в регионе просто нет.

— Но должен же быть выход! — кричу я, и мой голос эхом разносится по пустому коридору. — Она же ребенок! Ей всего пять лет!

Врач молча достает из кармана две глянцевые брошюры и протягивает их мне.

— В стране есть только одно место, где берут таких «безнадежных» детей и буквально вытаскивают их с того света. У них своя квота, свой фонд поддержки.

Я хватаю бумаги.

Руки дрожат так сильно, что буквы расплываются. Я моргаю, смахивая слезы, и наконец фокусирую взгляд на логотипе.

Федеральный Кардиоцентр высоких медицинских технологий им. академика Королёва.

Моё сердце пропускает удар.

Я чувствую, как кровь отливает от лица. Ледяной пот прошибает позвоночник.

Королёв…

Тот самый человек, который пять лет назад спокойно обсуждал, как «выскоблить» моего ребенка, чтобы не портить репутацию клиники.

Я медленно перевожу взгляд ниже, на список ведущих специалистов центра. И там, в самом верху, жирным шрифтом напечатано имя, которое я пыталась выжечь из своей памяти каленым железом.

Главный врач, профессор, доктор медицинских наук — Власов Артём Андреевич.

Мир вокруг меня разлетается на миллион острых осколков.

Я чувствую, как нехватка кислорода сдавливает легкие.

Это не может быть правдой!

Это какая-то чудовищная, извращенная шутка.

Тот самый мужчина, который отказался от Сони еще до её рождения. Который назвал её «помехой». Человек, который хотел её смерти, теперь — единственный в мире, кто может спасти её бьющееся сердце?

Да вы издеваетесь!

Я стою, сжимая в руках эту проклятую брошюру, и чувствую, как меня накрывает тошнота.

Нет... Должен быть другой выход. Обязательно должен быть!

Я судорожно открываю вторую брошюру — благотворительного фонда. В голове бьется только одна мысль: я позвоню им. Я упрошу их. Может быть, они отправят нас за границу? В Германию, в Израиль? Куда угодно, лишь бы не к нему! Лишь бы он никогда не узнал, что эта девочка вообще существует.

Я прижимаю ладонь к губам, пытаясь сдержать рвущийся наружу стон.

«Я найду другой путь, Сонечка. Я обязательно его найду. Я не дам ему снова причинить тебе боль».

Трясущимися, непослушными пальцами я вбиваю в телефон номер с глянцевой обложки фонда.

Гудки тянутся бесконечно долго, каждый из них отдается тупой болью в висках.

— Благотворительный фонд «Сердца детям», слушаю вас, — раздается в трубке вежливый женский голос.

Я сбивчиво, глотая слезы и задыхаясь, объясняю ситуацию. Диктую диагноз, показатели, умоляю о помощи.

Девушка на том конце провода просит подождать.

Эти две минуты под дурацкую музыку ожидания кажутся мне вечностью в аду.

— Вероника Николаевна, — наконец возвращается оператор, и в её голосе звучит сочувствие. — Ваша ситуация критическая, мы готовы пойти навстречу и экстренно выделить квоту на операцию. Но есть одно условие.

Я замираю, вцепившись в телефон так, что белеют костяшки.

— Какое? Я на всё согласна!

— Подобные сложнейшие реконструкции клапана в рамках нашей программы покрываются только в том случае, если случай берет наш генеральный партнер — Федеральный Кардиоцентр имени Королёва. Оперировать должен лично профессор Власов. У нас с ними жесткий контракт на такие патологии. Иначе фонд не сможет оплатить счет. Вы согласны на перевод в Москву?

В горле пересыхает.

Последняя дверь, в которую я отчаянно билась, с лязгом захлопывается, оставляя меня в темном, безвыходном лабиринте.

— Д-да… — выдавливаю я из себя этот жалкий, надломленный звук.

— Хорошо. Но вы должны понимать, — голос оператора становится деловым, отсекая мои последние надежды на спасение. — Квота покрывает только саму операцию и реанимацию. Транспортировка девочки в таком тяжелом состоянии обычным транспортом невозможна. Вам потребуется платный реанимобиль или спецборт санавиации до столицы. Кроме того, пред-

операционная подготовка, ряд специфических анализов и ваше проживание в Москве рядом с клиникой на период реабилитации ложатся на ваши плечи.

Она называет примерную сумму, и у меня темнеет в глазах.

Это не просто большие деньги.

Для меня это финансовая пропасть.

Я судорожно открываю приложение банка на разбитом экране смартфона — на счету жалкие пять тысяч рублей. До зарплаты еще неделя, а кредитки давно вычерпаны до самого дна.

У меня нет ничего.

Ни-че-го.

Опустив телефон, я медленно, на ватных ногах подхожу к прозрачному стеклу палаты интенсивной терапии.

За ним, в неестественно белой комнате лежит моя Соня. Мой лучик света. Моя жизнь.

Она кажется такой крошечной на огромной больничной койке.

Её худенькое тельце опутано проводами мониторов, во рту — трубка аппарата ИВЛ, который с мерным, механическим шипением дышит за неё.

Её лицо прозрачно-бледное, с пугающими синими тенями под закрытыми глазами.

Времени на сборы нет.

Счет идет на часы.

Врач сказал: сутки.

Я прижимаюсь лбом к холодному стеклу, чувствуя, как по щекам катятся горячие, беззвучные слезы.

Будь на этой койке я... если бы это мое сердце отказывалось биться — я бы предпочла умереть в муках, но никогда, ни за что на свете не пошла бы на поклон к Артёму Власову.

Я бы не позволила его рукам, разрушившим мою жизнь, коснуться меня снова. Моя гордость, моя ненависть к этому человеку слишком велики.

Но там, за стеклом, лежит не моя жизнь.

Там лежит Соня.

Девочка, в которой я не чаю души, ради которой я дышу и просыпаюсь каждое утро.

Стискиваю зубы так сильно, что во рту появляется солоноватый привкус крови.

Я поеду туда!

Я вернусь в этот ад. Я войду в клинику людей, которые хотели нас уничтожить, и продам душу дьяволу, но я спасу свою дочь.

Только об одном я буду молиться каждый день: Артём не должен узнать правду. Для него Соня должна остаться просто тяжелой пациенткой. Очередным медицинским случаем.

Он ни на секунду не должен догадаться, чью кровь он будет держать в своих руках в операционной.

Я резко отстраняюсь от стекла.

Мой взгляд больше не затравленный — в нем холодная, отчаянная решимость загнанной в угол матери.

Дрожащими пальцами я открываю браузер в телефоне и вбиваю запрос. Первые же ссылки — микрофинансовые организации. Быстрые деньги. Без справок, без поручителей. Огромные, грабительские, кабальные проценты, за которые потом выбивают двери коллекторы.

Плевать. С ними я разберусь потом. Сейчас важнее всего она, ее жизнь.

Я набираю первый попавшийся номер.

Гудки.

— Быстрозаймы, слушаю.

— Здравствуйте, — мой голос звучит хрипло, но твердо. — Мне нужны деньги. Четыреста тысяч. Сегодня. Прямо сейчас. Я отдам в залог ноутбук, подпишу любые бумаги. Мне нужно спасти дочь!

7. Другой мужчина

Ручка выскальзывает из моей мокрой от пота ладони, когда я ставлю размашистую подпись внизу страницы, испещренной мелким, нечитаемым шрифтом.

Бумага кажется мне липкой, как и сам этот человек напротив — с сальными волосами и тяжелым взглядом ростовщика, который точно знает: мне некуда деваться.

— Срок — месяц. Проценты капают каждый день. Ты же понимаешь, детка, что за такие деньги я спрошу жестко? — он скалится, забирая мой старый смартфон и ноутбук, оценивающе крутя их в руках.

— Мне плевать. Просто дайте деньги, — мой голос звучит как чужой.

Я отдала ему последние вещи, которые стоили хоть что-то: старенький ноутбук, планшет, на котором я включала Соне мультики и свой телефон. Взамен получаю пачку помятых купюр и самый дешевый, доисторический кнопочный аппарат, чтобы просто быть на связи.

Этот пластиковый обрубок в моем кармане — теперь моя единственная связь с миром.

Всё остальное помню как в тумане.

Переговоры с клиникой, бесконечные звонки в службу платной перевозки, передача документов. Каждый шаг — выстраданный и невыносимо тяжелый.

Но я не чувствую ничего. Только тиканье часов, которое отдается в висках набатом: Соня. Соня. Соня.

Вой сирены бьет по барабанным перепонкам, заполняя всё пространство внутри реанимобиля.

Машину немилосердно трясет на выбоинах, и каждый этот толчок отдается в моем сердце резким спазмом.

Я сижу на узком откидном сиденье, вцепившись пальцами в край металлической стойки.

Мои глаза прикованы к Соне.

Она кажется почти прозрачной на фоне белых простыней. Трубки, катетеры, датчики… Моя маленькая девочка опутана этой паутиной, которая едва удерживает её в мире живых.

Её рука — такая крошечная, такая холодная. Я прижимаю её к своим губам, пытаясь согреть, отдать ей хоть каплю своего тепла.

В кармане куртки я сжимаю остатки наличности.

Короткая пачка купюр — это всё, что осталось после оплаты дороги. Этого не хватит даже на неделю нормальной жизни в Москве, не говоря уже о лекарствах, которые могут понадобиться.

Но я не думаю об этом.

Сейчас мои мысли крутятся только о том, что мы едем в пасть к чудовищу.

Каждый километр приближает нас к городу, который я клялась никогда не посещать. К человеку, которого ненавижу и о котором старалась забыть.

Реанимобиль с визгом тормозит перед центральным входом.

Я выхожу из машины, и меня тут же ослепляет блеск огромного, уходящего в небо стеклянного здания.

Федеральный Кардиоцентр имени Королёва.

Храм современной медицины. Империя, построенная на костях таких, как я.

Я замираю на асфальте, и меня накрывает волна жгучего, унизительного контраста.

Вокруг сверкают лаком дорогие иномарки на парковке. Мимо проходят люди в безупречно белых халатах из дорогой ткани, вышколенные, уверенные в себе. От них пахнет успехом, дорогим парфюмом и спокойствием.

А я… я смотрю на свое отражение в зеркальном стекле фасада и вижу убитую девушку в помятой, дешевой куртка, купленной на рынке три года назад. Со спутанными волосы, бледной кожей и глубокими синяками под глазами от вечного недосыпа и слез.

Я — чужая на этом празднике жизни. Это территория Артёма. Здесь каждый кирпич пропитан его славой, его властью, его надменностью.

Я физически ощущаю, как на меня давит эта громада. Мне кажется, что здание вот-вот рухнет на меня, похоронив под своими обломками.

— Быстрее, мамочка! Не задерживайте проход! — кричит санитар, выкатывая каталку с Соней.

Я вздрагиваю и бросаюсь следом, прижимая к груди сумку с документами. Моё сердце колотится о ребра так сильно, что мне кажется, что еще немного и я задохнусь.

Всё.

Мы внутри.

Теперь пути назад у нас нет.

Врачи реанимобиля ввозят Соню в просторный, залитый холодным светом холл.

Я бросаюсь к сияющей мрамором стойке регистрации, на ходу вытряхивая из папки медицинские выписки, полис и копию направления. Мои руки трясутся так, что бумаги разлетаются по гладкому камню.

За стойкой сидит администратор. Идеально уложенные светлые волосы, надменный взгляд, дорогая униформа. Просто живая копия Евы. Еще одна холеная девочка, для которой чужая боль — это просто раздражающий шум.

Она неторопливо, брезгливо собирает мои бумаги своими пальцами с безупречным алым маникюром. Лениво стучит по клавиатуре, глядя в монитор.

Я задерживаю дыхание, молясь всем богам.

— Власова София? — её голос звучит скучающе и холодно. — А мы вас не ждем.

— Как не ждете? — я давлюсь воздухом. — Нас направил фонд «Сердца детям»! Экстренная квота! Девочка в критическом состоянии!

Администраторша медленно переводит на меня пустой взгляд.

— Женщина, не повышайте голос. Ваша квота из фонда еще не прошла по нашей базе. Такое бывает. Ожидайте подтверждения до завтра или оплачивайте коммерческие сутки в детской реанимации авансом. Двести пятьдесят тысяч рублей. Плюс депозит на расходники. Без этого я не имею права оформить ребенка и вызвать бригаду.

Двести пятьдесят тысяч. В день.

Меня словно бьют кувалдой по голове.

Воздух выбивает из легких. Я судорожно нащупываю в кармане свою жалкую пачку купюр — там нет и десятой части этой суммы!

— Девушка, нам нужно освободить каталку! — кричит от дверей фельдшер скорой помощи. — База вызывает, у нас ДТП на трассе! Куда ребенка перекладывать?

— Я не знаю, куда вы будете её перекладывать, — отчеканивает администраторша. — Без оплаты или квоты она не наша пациентка.

Это приговор.

Система, от которой я бежала пять лет назад, снова пережевывает меня, выплевывая прямо на этот стерильный, дорогой пол.

Они просто дадут моему ребенку умереть прямо здесь, в холле, потому что какая-то бумажка не подгрузилась в их чертову базу!

— Пожалуйста! — я срываюсь. Слезы брызжут из глаз, я вцепляюсь побелевшими пальцами в край мраморной стойки. — Я умоляю вас! Она же умрет! Посмотрите на нее, она синяя! Оформите долг, я напишу расписку, я всё отработаю, умоляю, примите её!

— Охрана! — администраторша брезгливо морщится и нажимает кнопку под столом. — Выведите эту неадекватную!

Сзади на мое плечо ложится тяжелая, грубая мужская рука в черной форме. Охранник бесцеремонно дергает меня назад, отрывая от стойки.

— Пойдемте, гражданочка, на выход. Нечего тут концерты устраивать, — рычит он.

— Пустите! Нет! Соня! Врачи, умоляю! — я бьюсь в его хватке как дикая кошка, кричу на весь холл, теряя остатки рассудка.

Мой ребенок умирает в метре от меня, фельдшеры скорой уже перекрывают кислородный баллон транспортного кювеза, а меня просто вышвыривают на улицу.

Неужели… все кончено?

Я что, привезла её сюда умирать?

И в этот момент, сквозь мой истеричный крик и шум в ушах, раздается голос.

Низкий, жесткий, хлесткий.

— Что здесь происходит? Почему тяжелый ребенок в коридоре?

Хватка охранника на моем плече мгновенно ослабевает. Я оборачиваюсь, тяжело, со всхлипами хватая ртом воздух.

По коридору к нам идет мужчина.

На вид ему около сорока лет. Я никогда не видела его раньше — пять лет назад, когда я работала здесь, его точно не было в клинике.

Высокий, сухой, предельно собранный. На нем накинут идеальный белый халат, но в нем нет той лощеной, самовлюбленной театральности, которая всегда исходила от Артёма.

От этого человека веет другой силой. Непробиваемой уверенностью и абсолютной надежностью.

У него резкие черты лица и пронзительный, невероятно умный взгляд темных глаз, который мгновенно сканирует пространство.

— Максим Сергеевич! — голос администраторши тут же меняется, становится елейным и заискивающим. — Эта женщина истерит не по делу. Квота не подтверждена, платить она отказывается, кидается на персонал. Игорь просто помогает ей найти выход.

Мужчина останавливается в метре от нас. Его взгляд скользит по охраннику, и тот поспешно убирает от меня руки, отступая на шаг.

Затем этот доктор — Максим Сергеевич — переводит взгляд на меня.

Меня всю трясет.

Лицо в слезах, волосы растрепаны… уверена, что в глаза окружащих я выгляжу как какая-нибудь бродяжка. Но в его глазах этого нет. Я вижу только взгляд профессионала.

— Пожалуйста… — хриплю я, делая к нему шаг. — Моя дочь. Пять лет. Порок сердца, критическая декомпенсация. Если вы не заберете её прямо сейчас… она не переживет этот час. Я вас умоляю, доктор. Умоляю!

Он смотрит на меня долю секунды, а затем переводит взгляд за мою спину, туда, где на носилках скорой помощи лежит крошечная, бледная Соня с синеющими губами.

Воздух в холле искрит от напряжения.

От решения этого незнакомого, сурового мужчины сейчас зависит всё.

8. Лицом к лицу с предателем

Максим Сергеевич даже не поворачивает головы к разинувшей рот администраторше. Ему хватает ровно одной секунды — одного цепкого, профессионального взгляда на синеющие губы моей Сони, на её впалую грудную клетку, тяжело и со свистом ловящую воздух, — чтобы оценить масштаб катастрофы.

— Оформляй по экстренному! — рявкает он так жестко и властно, что у холеной девицы за стойкой от испуга дергается плечо. — Ответственность я беру на себя. Каталку в интенсивную терапию, живо!

У меня мгновенно подкашиваются ноги.

Пять лет. Пять долгих лет я тащила всё на себе, привыкнув, что бездушная система только бьет меня по лицу, закрывая передо мной двери.

А сейчас... сейчас появляется человек, который просто, без лишних слов и бюрократии, становится между мной и моей бедой.

Меня накрывает волной такой дикой благодарностью, что из глаз снова брызжут слезы — но уже от невероятного облегчения.

Фельдшеры скорой, словно только и ждавшие приказа нормального врача, срываются с места.

Максим не стоит в стороне с важным видом — он сам перехватывает край каталки, помогая закатить её в просторный лифт. Я бегу следом, задыхаясь от колотящегося в горле сердца.

Рядом с этим незнакомым мужчиной я вдруг впервые за все эти годы ощущаю то, чего у меня никогда — даже в самые лучшие моменты! — не было в браке с Артёмом.

Надежную спину.

Максим не не задает унизительных вопросов про деньги и статус, не смотрит свысока.

Он просто делает свою работу.

Лифт выплевывает нас на нужном этаже. Каталку стремительно увозят за тяжелые матовые двери с надписью «Реанимация».

Максим скрывается за ними, бросив мне на ходу короткое, но веское: «Ждите здесь».

Створки плавно схлопываются, отсекая меня от дочери.

Тишина больничного крыла бьет по ушам.

Адреналин, который последние сутки гнал меня вперед, заставляя искать деньги и бороться, внезапно начинает отступать, оставляя после себя лишь выжженную, гудящую пустоту.

Ноги окончательно перестают меня держать, и я медленно, жалко сползаю по холодной стене прямо на блестящий кафель коридора.

Я обхватываю голову дрожащими руками, пытаясь выровнять сбитое дыхание.

И тут мой взгляд цепляется за информационный стенд на противоположной стене.

Меня прошибает ледяным потом.

Артем.

На золоченой табличке соседнего кабинета висит его портрет.

И вообще, он здесь повсюду.

На стенде с расписанием ведущих специалистов, на фотографии с министром здравоохранения, на огромном плакате, рассказывающем о новых методах реконструкции клапанов.

И на всех он смотрит прямо на меня весь такой лощеный, уверенный и безупречный. С той самой едва заметной, надменной полуулыбкой, которую я так ненавижу.

Стены клиники вдруг начинают давить на меня, сужаясь, выдавливая из легких остатки кислорода.

Мне становится физически дурно.

Желудок скручивает тошнота от запаха этого места. Мне до одури хочется вскочить и выбежать на улицу, сбежать из этой сияющей стеклянной клетки обратно в свою крошечную однушку.

Но я не могу уйти.

Мой ребенок там, за матовым стеклом.

Воздух в коридоре становится густым и липким.

Тошнота, которую я так отчаянно пыталась подавить, подступает к самому горлу, скручивая желудок болезненным спазмом.

Если я сейчас же не умою лицо ледяной водой, я просто потеряю сознание прямо здесь, под плакатом с его надменным лицом.

Опираясь рукой о стену, я с трудом поднимаюсь на ватных ногах. Перед глазами плывут черные круги.

Мне нужно найти туалет. Срочно.

Я делаю несколько неуверенных шагов, сворачиваю за угол к санитарному блоку и… со всего размаха врезаюсь в крепкую, как бетонная плита, мужскую грудь.

Сильные руки рефлекторно перехватывают меня за предплечья, не давая упасть.

И в эту же секунду мои легкие парализует.

Запах.

Меня обдает тем самым запахом, который я пыталась вытравить из памяти пять долгих лет. Терпкий, горький кофе, дорогой кедровый парфюм и этот неуловимый, леденящий аромат абсолютного превосходства.

Сердце срывается в свободное падение. Волоски на руках встают дыбом от первобытного, животного ужаса.

Я медленно, словно в страшном сне, поднимаю глаза. И цепенею.

Это он.

Передо мной стоит мой бывший муж.

Человек, который приговорил моего ребенка.

За эти пять лет он не просто не постарел — он заматерел. Стал еще более лощеным, властным и пугающим. На нем безупречно сидящий белоснежный халат, на запястье тускло поблескивают часы, которые стоят больше, чем вся моя жизнь.

Мы замираем в сантиметре друг от друга.

Его пальцы, сжимающие мои руки, на мгновение каменеют. В его пронзительных темно-серых глазах вспыхивает неподдельный, искренний шок от узнавания.

Мы стоим так несколько бесконечных секунд.

А потом, шок в его глазах гаснет так же быстро, как и появляется. Ледяная маска возвращается на место, и его красивые губы кривятся в знакомой пренебрежительной насмешке.

Артём брезгливо разжимает пальцы, словно испачкался, и делает полшага назад.

Его холодный взгляд скользит по мне сверху вниз. Он обращает внимание на каждую деталь.

Мои спутанные волосы. Мертвенная бледность лица с темными синяками под глазами. Мою дешевую, помятую куртку с рынка и мокрые ботинки.

Он смотрит на меня так, словно я — грязная лужа на его идеальном мраморном полу.

— Надо же. Какая встреча, — его бархатный баритон сочится ядом. — Ника.

Он презрительно кривится.

— А жизнь то тебя изрядно потрепала, — Артём поправляет идеальный манжет рубашки. — Что, приползла просить подачку? Я же говорил тебе тогда, пять лет назад: без меня ты сгниешь в нищете. Что случилось? Кушать нечего? Хочешь, чтобы я по старой памяти устроил тебя санитаркой утки выносить?

Каждое его слово — это плевок в лицо.

Если бы наша встреча произошла при других обстоятельствах, если бы у меня не было Сони, все было бы иначе. Скорее всего, я бы сломалась. Задохнулась бы от слез, сгорела бы от жгучего стыда за свой жалкий вид и бросилась бежать, не разбирая дороги.

Но сейчас я уже не просто брошенной женой. Я — мать, чей ребенок прямо в эту секунду балансирует на грани жизни и смерти в его клинике.

Страх исчезает.

Унижение сгорает дотла.

Внутри меня поднимается такая темная, концентрированная, первобытная ненависть, что она вымораживает мои слезы и заставляет гордо выпрямиться.

Я вскидываю подбородок и смотрю прямо в его надменные, красивые глаза. Смотрю так, что его насмешливая улыбка на мгновение дрожит.

— Я здесь не ради тебя, — мой голос звучит тихо, но в нем звенит мертвый, пугающий холод. — Ты мне даром не нужен, Артём. Моей дочери нужна операция.

9. Враг за спиной

Слово «дочь» бьет по нему как пощечина.

Артём на секунду теряет дар речи.

Его идеальная, отработанная годами высокомерная ухмылка медленно сползает с лица, а между бровей появляется жесткая складка.

— Дочери? — переспрашивает он, и в его голосе прорезается что-то острое, царапающее. — От кого это ты успела зале…

Он не договаривает.

Тяжелые матовые двери реанимации с тихим шипением разъезжаются в стороны. На пороге появляется Максим.

Он мгновенно считывает напряжение в коридоре.

Видит мою мертвенную бледность, видит нависающего надо мной Артёма. И Максим делает то, от чего у меня снова перехватывает дыхание — он делает шаг вперед и становится почти вплотную ко мне, небрежно, но непреклонно заслоняя меня своим широким плечом от давления Артема.

— Артём Андреевич, — голос Максима звучит ровно, по-деловому, но в нем чувствуется тяжелая, непоколебимая уверенность. — У нас экстренная пациентка в пятом боксе. Перевод из фонда. Девочка, пять лет, критическая декомпенсация клапана. Мать — Вероника Николаевна.

Артём медленно переводит потемневший взгляд с Максима на меня и обратно. Его челюсти сжимаются.

— Я знаю, кто это, Ратников, — цедит он сквозь зубы.

Ратников. Я впервые слышу его фамилию, и она сразу же отпечатывается в моем сознании. Если сам Артём Власов, светило и без пяти минут хозяин этой клиники, разговаривает с ним не как с подчиненным, а как с равным, сдерживая свое бешенство — значит, Максим Ратников имеет здесь огромный вес.

Артём резко отворачивается.

Он отбрасывает всё личное, натягивает на лицо медицинскую маску, толкает стеклянную дверь пятого бокса и заходит внутрь.

Я на негнущихся ногах подхожу к прозрачной стене палаты и прилипаю к стеклу, жадно ловя каждое его движение.

Там, за этой прозрачной преградой, происходит пугающая метаморфоза. Исчезает лощеный, эгоистичный циник, который только что пытался смешать меня с грязью.

Появляется гений. Бог от кардиохирургии.

Его движения становятся скупыми, выверенными, до дрожи профессиональными. Он не делает ни одного лишнего жеста.

Я сглатываю подступившие слезы, впиваясь ногтями в собственные ладони.

Да, в жизни он — полнейший мудак, растоптавший меня. Но здесь, у операционного стола, ему нет равных. Именно поэтому я и привезла Соню в это проклятое место. Потому что только эти руки могут вернуть её с того света.

Артём берет с края кувеза её медицинскую карту.

Мое сердце останавливается.

Я вижу, как его длинный палец скользит по строчкам и вдруг замирает. Прямо там, где указана дата рождения.

У него аналитический мозг, он умеет считать месяцы! Он складывает два и два прямо сейчас.

Артём медленно опускает карту и наклоняется к Соне, прикладывая к её крошечной, впалой груди мембрану фонендоскопа.

В этот момент моя девочка, находящаяся в полубреду, с трудом приоткрывает веки.

Она тяжело, со свистом дышит.

Из-под ресниц на Артёма смотрят огромные, пронзительные темно-серые глаза.

Его глаза.

От боли Соня недовольно морщит носик. Точно так же, один в один, как делает он сам, когда сосредоточен или раздражен.

Рука Артёма со стетоскопом вздрагивает и на секунду зависает в воздухе. Его плечи каменеют.

Я за стеклом перестаю дышать.

Животный, парализующий ужас сковывает меня ледяным панцирем.

Он понял…

Господи, он всё понял!

Он сейчас увидит в ней ту самую «помеху», тот самый «приплод», которого всеми силами хотел не допустить.

Он сейчас развернется, выйдет и откажется её спасать!

У меня снова все кружится перед глазами.

Внутренности сковывает льдом.

Артём резко выпрямляется. Бросает фонендоскоп на шею, разворачивается и чеканным шагом выходит из бокса.

Он сдергивает маску.

Его лицо совершенно непроницаемо, словно высечено из гранита, но в глазах бушует темный, страшный шторм.

— Случай критический. Счет идет на часы, — голос Артёма звучит жестко, с металлической, пугающей хрипотцой. — Я возьмусь. Операционная бригада пусть готовится.

Я шумно, со всхлипом выдыхаю, готовая упасть на колени от благодарности, но он тут же обрывает мой выдох.

— Но у меня есть вопросы к матери.

Он делает ко мне шаг, вторгаясь в мое личное пространство, игнорируя субординацию, игнорируя стоящего рядом Максима.

Артём буквально нависает надо мной, подавляя своим ростом и дикой, темной энергетикой.

— Кто отец? — рубит он, и его взгляд впивается в мое лицо, как скальпель, препарируя каждую эмоцию.

— Что?.. — я пячусь, упираясь лопатками в холодное стекло палаты.

— Я спрашиваю, кто отец ребенка, Ника! — его голос становится тише, но от этого еще страшнее. — Девочка доношенная? Почему в карте нет ни слова об анамнезе отца по генетике? Мне нужно знать, чьи гены в этой крови, чтобы исключить скрытые патологии!

Он давит на меня.

Давит так страшно, что меня бьет дрожь. Он хочет выбить из меня признание прямо здесь, в коридоре.

— Мой… мой бывший муж! — сглатываю я, в панике цепляясь за первую пришедшую в голову спасительную ложь. Сердце колотится в горле, как сумасшедшее. — Мы… мы познакомились сразу после нашего развода! Он бросил нас год назад! Соня… она родилась раньше срока! Недоношенная! На седьмом месяце…

Я вру так отчаянно, так жалко, глядя прямо в его страшные серые глаза, молясь только об одном: чтобы он поверил в эти сдвинутые сроки.

Чтобы он не отнял у моей девочки шанс на жизнь.

В глазах Максима на какую-то долю секунды мелькает искреннее удивление.

Он явно не ожидал этой новости о нашем разводе, но, как истинный профессионал, берет эмоции под абсолютный контроль быстрее, чем я успеваю сделать вдох.

И все же, он делает решительный шаг вперед, буквально вклиниваясь между мной и нависающим, разъяренным Артёмом.

— Артём Андреевич, — голос Ратникова звучит жестко, как удар хлыста. — Вы не видите? Мать в состоянии глубокого шока. Генетика отца сейчас никак не изменит протокол экстренной операции. Оставьте её в покое, дайте спокойно подписать согласие. Генетический скрининг мы возьмем сами, если потребуется.

Воздух в коридоре можно резать скальпелем.

Артём переводит свой темный, штормовой взгляд на Максима. Два матерых самца сталкиваются взглядами в немом, яростном противостоянии.

Мой бывший муж не привык, чтобы ему перечили на его собственной территории. У него на скулах ходуном ходят желваки, но он отступает.

Скрипнув зубами, Артём разворачивается и скрывается в предоперационном шлюзе.

У меня подкашиваются ноги. Максим тут же мягко, но уверенно берет меня под локоть и усаживает на кожаную банкетку. Метнувшись к кулеру, он возвращается с пластиковым стаканчиком с прохладной водой.

— Пейте, — приказывает он тихо.

Я делаю судорожный глоток, и зубы стучат по пластику.

Контраст между этими двумя мужчинами бьет наотмашь. Один только что с садистским удовольствием выжимал из меня последние капли сил, теша свое уязвленное эго, а другой — просто встал стеной и спас мою и без того расшатанную психику.

Но Артём не был бы Артёмом, если бы позволил кому-то оставить за собой последнее слово.

Дверь шлюза приоткрывается, и он появляется снова. Он бесится. Я слишком хорошо знаю этот хищный, ледяной оскал человека, чью власть посмели поставить под сомнение при бывшей жене.

Он включает «хозяина клиники».

— Вероника Николаевна, — чеканит Артём сухо, официально, и от этого тона веет арктическим холодом. — Фонд оплатит саму операцию. Но вы должны понимать специфику нашей работы. Реабилитация будет долгой. По правилам этого центра, послеоперационное выхаживание, дорогие импортные стимуляторы для поддержания ритма сердца в первые сутки, которые не входят в стандарт ОМС, а также ваше проживание в Москве — это исключительно ваши проблемы. Клиника не благотворительная организация. Убедитесь, что вам есть чем платить, иначе после реанимации девочку переведут в муниципальную больницу.

Он разворачивается и уходит, а меня словно придавливает бетонной плитой.

Мой микрозайм…

Господи, тех копеек, ради которых я заложила всё и продалась в рабство коллекторам, не хватит даже на десятую долю того, что он перечислил!

Я в полном, глухом отчаянии обхватываю голову руками.

Максим видит, что со мной происходит. Видит, что я сейчас просто потеряю сознание от перегрузки.

— Галя! — зовет он пробегающую мимо медсестру. — Отведи маму в тридцать вторую, там пустая ординаторская. Дай ей успокоительное.

Он поворачивается ко мне и говорит так твердо, что я невольно ему верю:

— Поспите хотя бы час. Вам нужны силы для дочери. О деньгах подумаем позже. Я помогу составить смету и найти варианты. Поверьте, в такой ситуации вам лучше всего будет немного отдохнуть.

Медсестра берет меня под руку.

Я встаю на ватных ногах и покорно, опустив голову, бреду по коридору прочь от реанимации.

У меня нет сил даже на слезы.

Внутри — только звенящая пустота и страх за Соню.

Дзинь.

Мелодичный звонок лифта разрезает тишину больничного крыла. Двери разъезжаются.

Я рефлекторно поднимаю глаза и замираю, словно наткнувшись на невидимую стену.

По коридору плывет Ева Королёва.

Идеальная салонная укладка. Дорогой, пошитый на заказ брендовый костюм, подчеркивающий её безупречную фигуру. Цоканье высоких каблуков.

Она уверенно направляется ту сторону где скрылся Артём, но вдруг её взгляд цепляется за мою поникшую фигуру в дешевой куртке.

Ева тоже останавливается как вкопанная.

На её ухоженном лице отражается целая гамма эмоций: сначала непонимание, затем брезгливость, а потом — глубокий, искренний шок.

— Ты?.. — одними губами выдыхает она.

Я не отвечаю. Просто смотрю на неё, чувствуя, как внутри поднимается инстинктивная, материнская ярость.

Ее взгляд мечется.

С моего лица перескакивает на матовые стекла реанимации, за которыми Максим Ратников и целая бригада врачей суетятся вокруг крошечного тельца моей дочери.

Ева не глупа. По крайней мере, ее чутью надо отдать должное.

Резко развернувшись, она на каблуках подлетает к посту старшей медсестры. Заглядывает в светящийся монитор базы данных. Быстро щелкает мышкой, открывая список экстренных поступлений.

Я вижу, как она застывает над экраном.

Ева медленно поднимает голову и встречается со мной взглядом.

Артём — мужчина. Он хирург с математическим складом ума. Пусть он сомневается, но он все-таки может принять на веру ту ложь про недоношенность, которую я ему в панике бросила.

Но Ева — женщина.

Женщина, чья идеальная жизнь построена на мужчине, которого она у меня украла. У нее другая математика. В ее глазах больше нет того простого, брезгливого высокомерия, с которым она смотрела на меня пять лет назад, когда я облила ее кофе.

В её глазах загорается животный страх.

Она все поняла. Моментально.

В ту самую секунду она сложила мое появление, возраст ребенка и диагноз.

Она знает, чья дочь лежит сейчас на операционном столе её мужа.

И, глядя в ее искаженное ненавистью лицо, я с ледяной ясностью понимаю: Ева пойдет на любое преступление, на любую подлость, чтобы эта девочка не выжила или исчезла из их идеальной жизни навсегда.

10. Цена крови

Ева

Мелодичный звяк лифта — звук, который я обожаю.

Двери плавно разъезжаются, и я выхожу в холл, чувствуя себя так, словно ступаю на подиум, а не на холодный больничный мрамор.

Цок. Цок. Цок.

Звук моих каблуков от «Jimmy Choo» — четкий, ритмичный, властный — разносится по коридору, заставляя персонал вжиматься в стены и почтительно кивать.

Я знаю, что мой дорогой селективный парфюм, с нотами кожи и горького апельсина, заявляет о моем присутствии еще до того, как люди увидят мою идеальную укладку.

Это запах власти.

Запах женщины, у которой есть всё.

Я поправляю свой безупречный, пошитый на заказ халат, и едва заметно улыбаюсь своему отражению в стеклянных панелях.

Я чувствую себя на самом пике. Я — жена лучшего хирурга страны, дочь человека, которому принадлежит эта медицинская империя. Я здесь королева, и каждый сотрудник, проходящий мимо — лишь прислуга.

Вечером у нас с Артёмом запланирован ужин, и я уже предвкушаю, как покажу ему свое новое белье. Нам обоим нужно выплеснуть напряжение, и я знаю, как сделать так, чтобы он забыл обо всем на свете, кроме моего тела.

Я зашла в отделение якобы «навестить» мужа, но на самом деле мне просто нужно было в очередной раз убедиться, что всё под моим контролем. Артём — мой главный актив, и я не привыкла оставлять свои активы без присмотра.

Я сворачиваю за угол к посту и вдруг замираю.

В нескольких метрах от меня, прислонившись к стене, стоит какая-то… побитая моль. Серая, невзрачная фигура в дешевой куртке, которая явно видала лучшие времена.

Я брезгливо морщусь — как охрана вообще пропускает сюда людей в таком виде? От нее даже на расстоянии веет безнадегой и дешевым стиральным порошком.

Она поднимает голову, и в следующую секунду меня пронизывает насквозь.

Боже мой. Ника.

Я задыхаюсь от внезапного прилива триумфа.

Вы посмотрите, кто приполз!

Прошло пять лет, а она выглядит так, будто всё это время жила в подвале. Мертвенная бледность, мешки под глазами, эти ужасные ботинки…

Где твоя гордость, милочка? Пять лет назад ты имела наглость швырять в нас кофе, возомнив себя оскорбленной невинностью, а теперь что?

Приползла на коленях клянчить деньги на жизнь или выпивку? Какое же отвратительное, жалкое зрелище.

Я уже набираю в легкие воздух, чтобы подойти и раздавить ее парой хлестких, унизительных фраз, как вдруг моя женская интуиция — та самая, что никогда не подводила, — воет раненой сиреной.

Опасность!

Я перевожу взгляд на стеклянную стену реанимационного бокса. Там Артём.

Я знаю его как облупленного: каждое движение его плеч, каждый наклон головы. Артём — машина, он никогда не позволяет себе лишних эмоций с пациентами. Но сейчас…

Он напряжен так, что это чувствуется даже сквозь толстое стекло.

Он смотрит на маленькую девчонку в боксе так, как еще не смотрел ни на одного пациента за всю свою карьеру.

В его взгляде больше нет холодного профессионализма. Там что-то другое. Что-то, от чего у меня внутри всё покрывается льдом.

Я подхожу ближе к стеклу, стараясь не смотреть на Нику, но чувствуя ее взгляд на своей спине. Я впиваюсь глазами в ребенка на койке.

Девочка без сознания, бледная, опутанная трубками…

И тут меня бьет наотмашь.

Эти брови. Эта упрямая линия подбородка. Этот разлет скул.

Даже в ее состоянии, в этом бледном маленьком лице слишком отчетливо проступают черты Власова.

Нет. Этого не может быть.

Укол ледяного страха прошивает позвоночник.

Это не просто очередная тяжелая пациентка. Это живая улика. Биологическая угроза моему благополучию, моему статусу, моему браку и всему наследству, которое мой отец планирует оставить нам.

Эта девчонка — бомба замедленного действия. Если Артём признает её, если эта мелкая дрянь окажется его дочерью — мой идеальный мир рассыплется в прах.

Я медленно поворачиваю голову к Нике. Она смотрит на меня в упор, и в её глазах я вижу то, чего не заметила сначала. Решимость матери, которой нечего терять.

Резко развернувшись на каблуках, я подлетаю к пустующему посту старшей медсестры. Мои пальцы с идеальным френчем ложатся на клавиатуру.

Пароль. База данных. Экстренные поступления.

Открываю карту, и строчки на мониторе начинают плясать перед глазами, подтверждая мою самую страшную догадку.

Возраст: 5 лет.

Мать: Власова Вероника Николаевна.

Я смотрю на дату рождения, и в голове молниеносно щелкает калькулятор. Срок зачатия…

Тварь.

Какая же она хитрая тварь!

Она сбежала пять лет назад, уже будучи брюхатой!

Все эти годы эта серая мышь втайне прятала наследника Артёма.

Ногти впиваются в ладони с такой силой, что становится больно. Воздух в легких превращается в битое стекло.

Если Артём узнает... Если этот помешанный на власти и собственной гениальности хирург поймет, что это его плоть и кровь — он же мертвой хваткой вцепится в девчонку! А вместе с ней — и в её мамашу. И тогда моя власть, мой идеальный брак, моё положение в обществе — всё это рухнет в один миг!

Дыши, Ева. Дыши.

Ты — хозяйка этой клиники. А она — никто. Ошибка прошлого.

Переключаюсь на финансовую вкладку пациентки. Цифры всегда отрезвляют и возвращают контроль.

Так, что тут у нас? Квота от фонда?

Смешно. Она покрывает только саму операцию и базовое койко-место.

А дальше?

Я усмехаюсь, чувствуя, как паника сменяется пьянящим предвкушением. Остальные графы — пустые. Предоперационная подготовка, коммерческие сутки в ПИТе, импортные

препараты для поддержания ритма, расходники — всё это висит огромным, неподъемным долгом.

А между тем на счету у «любящей мамочки» голый ноль.

Я злорадно, почти сладострастно усмехаюсь.

Идеально. Она в абсолютном, беспросветном отчаянии.

И это мой главный козырь.

Я не стану устраивать истерик, не стану бегать к Артёму с разоблачениями.

Я сделаю все иначе. Чужими руками. Задушу её системой, которую она так боится.

Я сделаю так, что эта маленькая копия моего мужа просто «не доживет» до выписки из-за банального отсутствия дорогущих препаратов, которые не покроет ОМС. Или Ника, раздавленная прессом многомиллионных долгов, сломается и сама заберет свое отродье, сбежав в ночь, лишь бы не сесть в тюрьму за неуплату.

«Ты думала, что сможешь ворваться в мой рай на плечах этой мелкой дряни? — злорадно, с садистским удовольствием думаю я, глядя на цифры на экране. — Нет, дорогая. Я сделаю так, что ты сама проклянешь тот день, когда решила переступить порог этой клиники».

Одним кликом мышки я закрываю вкладку базы данных. Спина выпрямляется, грудь вздымается в глубоком вдохе, возвращая мне королевскую осанку.

На моих губах расцветает ледяная, змеиная улыбка.

Я медленно оборачиваюсь.

Ника всё еще стоит там, в коридоре. Она смотрит на меня, и я с наслаждением вижу, как от моей улыбки она сглатывает. Я вижу, как в её расширенных глазах проступает первобытный ужас.

Она понимает, что я знаю.

И понимает, что я пощады не дам.

Я не кричу. Не унижаюсь до рыночного скандала. Я действую как истинная Королёва.

Не сводя с неё этого торжествующего, убийственного взгляда, я неторопливо достаю из сумочки свой последней модели смартфон. Открываю рабочий мессенджер и, чеканя каждую букву, набираю сообщение главному бухгалтеру клиники:

«Мария Ивановна, по экстренной пациентке Власовой (ПИТ №5)… Пересмотрите смету. Включите туда все дополнительные обследования, которые не входят в квоту. Заблокируйте любые отсрочки. Требуйте полную оплату реабилитации ДО начала операции. Никаких исключений.

И передайте охране: мать пациентки не имеет права находиться на территории клиники после десяти вечера. Пусть ночует где хочет, хоть на вокзале, если не может оплатить гостиницу».

Мой палец уверенно нажимает «Отправить».

Мой телефон тихо вибрирует, подтверждая доставку.

Ловушка захлопнулась. Добро пожаловать в ад, Ника.

***

 # Дорогие читатели! #

Не забывайте *ставить лайк (мне нравится), добавлять книгу в библиотеку и подписываться на меня*, чтобы не пропустить продолжение этой истории, мои новые книги, подборки, важные объявления и новости:

https://litnet.com/shrt/OhYp

Если вам понравилась книга, пожалуйста *оставьте комментарий*- мне будет очень приятно

Спасибо вам!

 # С любовью, Кира! #

11. Прямая линия

Ника

Короткий отдых в ординаторской, который мне устроил Максим, немного притупляет физическую боль, но тревога за Соню никуда не уходит — она пульсирует в висках раскаленным железом.

Я снова стою у матовых дверей реанимации, вглядываясь в стерильную тишину, когда слышу сухой стук каблуков по кафелю.

Я вздрагиваю, оборачиваюсь, но вижу не Еву, а незнакомую мне женщину в строгом костюме, с абсолютно безразличным лицом.

— Вероника Николаевна? — она протягивает мне лист бумаги, и я чувствую, как пальцы начинают мелко дрожать. — Я главный бухгалтер клиники. Вам необходимо ознакомиться с обновленной сметой.

Я пробегаю глазами по строчкам, и мир вокруг меня начинает медленно вращаться. Сумма… она не просто большая.

Она астрономическая. Цифры расплываются, перед глазами пляшут черные круги.

— Это какая-то ошибка, — хриплю я, хватая ртом воздух.

— Никакой ошибки, — безжалостно чеканит она, — Квота покрывает только базовую хирургию, а вся послеоперационная реабилитация, спецпрепараты и пребывание в коммерческой палате — по стопроцентной предоплате. Таково распоряжение руководства. Если депозит не будет внесен в течение часа, подготовка к операции приостанавливается. Мы не можем рисковать ресурсами клиники.

Удар под дых.

Они бьют прицельно, зная, что у меня нет ничего.

Я сразу же понимаю: это Ева. Она хочет выжать меня отсюда и ей плевать, что на кону жизнь пятилетнего ребенка.

В панике, почти не соображая, что делаю, я выхватываю телефон. Пальцы скользят по экрану. Я захожу в приложение банка и перевожу на счет клиники всё что у меня еще осталось от микрозайма.

Перевод выполнен.

На экране высвечивается остаток: сто двадцать рублей. Еще порядка пятиста у меня бумажками в кармане. Это всё, что у меня есть.

У меня нет денег на еду, на жилье, на обратный билет. Но Соне сделают операцию. Это единственное, что имеет значение.

— Деньги ушли, — бросаю я бухгалтеру, и в моем голосе столько ненависти, что женщина невольно отступает на шаг.

Время тянется, как густой, липкий деготь.

На часах — десять вечера. Коридоры клиники погружаются в полумрак, когда ко мне подходят двое.

Огромные охранники в черной форме.

— Время посещений окончено. Покиньте территорию, — говорит один из них, даже не глядя мне в глаза.

— Пожалуйста… — я вскакиваю, преграждая им путь к дверям реанимации. — У меня там дочь. Она в критическом состоянии! Я не могу уйти! Позвольте мне остаться хотя бы в холле, на кресле… я буду сидеть тихо, я никому не помешаю!

— Приказ руководства, — обрывает второй, его голос звучит механически. — Посторонним находиться в отделении ночью запрещено. Не заставляйте нас применять силу.

Меня берут под локти. Грубо, бесцеремонно.

Я пытаюсь вырваться, оглядываюсь на двери, за которыми лежит моя Соня, но меня тащат к выходу.

Мои мольбы разбиваются о глухое безразличие этих людей.

Тяжелые стеклянные двери с шипением разъезжаются, и меня буквально выталкивают наружу.

В лицо тут же ударяет ледяной, пронизывающий московский ливень.

Ветер завывает, пробираясь под куртку, и я мгновенно промокаю до нитки. Я стою на крыльце, обнимая себя руками, и смотрю, как за спиной захлопывается мой единственный путь к спасению.

Я бреду по темной, чужой улице, хлюпая мокрыми сапогами по лужам. Зубы начинают выбивать дробь. В паре кварталов светится вывеска дешевого хостела.

— Тысяча рублей за койку в общем номере, — говорит заспанная администраторша, даже не поднимая глаз от телефона.

— У меня… у меня только пятьсот, — шепчу я, с надеждой заглядывая ей в лицо. — Пожалуйста, мне только до утра…

— Иди отсюда, — грубо обрывает она. — Благотворительность в другом месте.

Я заглядываю в соседнюю ночлежку, но оттуда несет такой вонью, перегаром и грязью, что меня выворачивает.

В холле сидят подозрительные личности, и я чувствую на себе их липкие, раздевающие взгляды.

Нет. Моя гордость еще жива. Я лучше замерзну на улице, чем окажусь в этом притоне.

У меня не остается выбора.

Я возвращаюсь к клинике.

Я сажусь на ледяную железную скамейку автобусной остановки прямо напротив центрального входа. Огромное стеклянное здание светится в темноте, как неприступный замок.

Дождь хлещет, не переставая. Меня трясет так, что внутри все воет от холода и несправедливости. Мне хочется рыдать, хочется кричать от обиды, но я сжимаю кулаки так, что ногти вонзаются в ладони.

Я не сдамся!

Я поднимаю голову и смотрю на окна пятого этажа. Там, за одной из этих светящихся точек, сейчас борется за жизнь моя девочка.

«Спи, мой воробушек, — мысленно шепчу я, представляя как глажу ее по волосам, — Мама здесь. Мама рядом, прямо под твоим окном. Я всё вытерплю, Сонечка. Только живи. Поправляйся, и мы вернемся домой. Я клянусь, я костьми лягу, но больше никто и никогда не посмеет нас унизить. Ты больше никогда ни в чем не будешь нуждаться. Я стану твоим щитом, Соня… только дыши».

Я прикрываю глаза, пытаясь сохранить остатки тепла, и молюсь, чтобы эта бесконечная, черная ночь скорее закончилась.

Я не знаю сколько проходит времени.

Мое тело бьет крупная, неконтролируемая дрожь, а перед глазами всё плывет. Но я продолжаю сидеть на этой проклятой скамейке, вцепившись пальцами в края своей дешевой куртки, и не свожу взгляда со светящихся окон пятого этажа.

И вдруг темноту улицы разрезают ослепительные лучи фар.

Огромный, тяжелый внедорожник с визгом тормозит прямо у автобусной остановки. Хлопает дверь.

Я с трудом поворачиваю голову, щурясь от яркого света. К остановке стремительно, перепрыгивая через лужи, направляется высокая мужская фигура.

— Вероника Николаевна?!

Знакомый низкий голос заставляет меня вздрогнуть.

Это Максим Ратников. Видимо, он задержался на дежурстве или только собирался ехать домой.

Он останавливается передо мной, и на его обычно спокойном, собранном лице отражается абсолютный, неподдельный шок.

— Вы с ума сошли?! — рычит он, перекрывая шум ливня. — Что вы здесь делаете в такой ливень?!

Мои губы онемели. Я пытаюсь ответить, но зубы выбивают такую бешеную дробь, что слова превращаются в невнятный клекот.

— М-меня… охрана выгнала, — наконец выдавливаю я. — Денег нет. Даже на х-хостел. Клиника… они выставили новый счет за палату и реабилитацию… я отдала всё, что у меня было, чтобы они не отменили операцию…

Максим замирает.

В его темных, умных глазах вспыхивает холодная, тихая, но поистине страшная ярость. Ярость на бездушную систему, на алчное руководство, на саму эту дикую, бесчеловечную ситуацию.

Он не произносит ни слова жалости. Не читает нотаций. Не задает глупых вопросов.

Он просто одним резким движением стягивает с себя свою теплую, сухую куртку и накидывает её на мои дрожащие, мокрые плечи.

От неё пахнет мужским парфюмом, терпким кофе и тем самым знакмым запахом антисептика. Максим подхватывает меня под руки — почти несет на себе, потому что мои ноги отказываются идти, — и усаживает на переднее сиденье своего внедорожника.

Захлопывает дверь, отсекая меня от ревущего шторма, садится за руль и мгновенно выкручивает печку на максимум.

В лицо ударяет поток спасительного, горячего воздуха.

— Вы никуда не пойдете, — рубит он жестко, заводя мотор. — До утра поспите в моей дежурной комнате, а завтра я разнесу эту бухгалтерию по кирпичам. Я вам обещаю.

И тут меня прорывает.

Пять долгих лет я была железной.

Я тащила всё на своих плечах, терпела нищету, унижения, страх за жизнь дочери. Я запрещала себе быть слабой.

Но сейчас, в этой теплой машине, рядом с мужчиной, который просто взял и закрыл меня от беды, моя броня с треском разлетается на куски.

Я закрываю лицо трясущимися ладонями и впервые за все эти годы позволяю себе показать слезы при мужчине.

Максим провозит меня на территорию через закрытый служебный паркинг. Мы поднимаемся на этаж где нет ни пациентов, ни надменной охраны Евы.

Он заводит меня в свою дежурную ординаторскую, усаживает на диван, накидывает на меня теплый плед и сует в мои окоченевшие руки огромную кружку с обжигающе-горячим сладким чаем.

— Пейте, Вероника. Мелкими глотками, — командует он, присаживаясь напротив.

Тепло от кружки только-только начинает проникать в мои онемевшие пальцы.

Я делаю первый, судорожный глоток, прикрывая глаза. Мне кажется, что кошмар на эту ночь отступил.

Но я ошибаюсь.

В ту же секунду тишину дежурной комнаты взрывает звук, от которого у любого кардиолога стынет кровь в жилах.

Пронзительный, безостановочный, механический вой тревоги в динамиках системы оповещения.

Код «Синий». Остановка сердца.

Кружка выскальзывает из моих рук и со звоном разлетается вдребезги о кафель. Горячий чай обжигает ноги, но я не чувствую боли.

Дверь ординаторской с грохотом распахивается. На пороге — смертельно бледная дежурная медсестра. Её глаза расширены от паники.

— Максим Сергеевич! Пятый бокс! — кричит она срывающимся голосом. — Фибрилляция! Мы её теряем!

Пятый бокс. Там же… Соня.

Я чувствую как внутри у меня все леденеет.

Максим срывается с места со скоростью выпущенной пули.

Я бегу за ним. Я не помню, как мы преодолеваем коридоры, как распахиваем магнитные двери. Холод, усталость, дрожь — всё исчезает. Остается только чистый, первобытный ужас.

Мы врываемся в коридор интенсивной терапии.

Стеклянная дверь пятого бокса распахнута настежь.

Внутри творится хаос, мигают красные лампы тревоги, но мой взгляд выхватывает только одно.

Там Артём.

Мой бывший муж без халата, в одной рубашке, нависает над крошечным тельцем моей девочки.

Его лицо искажено. От лощеного, высокомерного гения не осталось и следа.

Сейчас это зверь, который отчаянно бьется со смертью.

Он делает жесткий, ритмичный массаж сердца, вдавливая грудную клетку Сони с пугающей силой.

Услышав шум, Артём вскидывает голову. Он поднимает на нас с Максимом совершенно бешеный, полный паники взгляд.

— Быстрее! Мы ее теряем! — орет Артём, и его голос срывается на хрип. — Буду вскрывать прямо сейчас!

Пронзительный писк монитора переходит в монотонный, непрерывный гул.

Пи-и-и-и-и-и-и-и-и-и.

Мои подкосившиеся ноги окончательно отказывают.

Я медленно сползаю спиной по холодной стеклянной стене палаты прямо на пол. Мои глаза прикованы к экрану дефибриллятора над кроватью Сони.

Там, где секунду назад подобно волнам появлялись ритмичные зубцы, теперь тянется ровная зеленая линия.

12. Моя кровь

Артем

Я смотрю на хрустальный бокал с дорогим коньяком, стоящий на моем отполированном до блеска столе, и борюсь с диким желанием швырнуть его в стену.

Вместо этого мои пальцы намертво впиваются в края тонкой картонной папки.

“Власова София. Пять лет.”

Прошло ровно четыре часа с того момента, как я столкнулся с Никой в коридоре, и всё это время внутри меня бушует глухое, темное бешенство. Оно сжигает меня заживо, разъедая изнутри.

Пять лет. Пять гребаных лет я методично убеждал себя, что Вероника была лишь досадной ошибкой. Серой, покорной «обслугой», не стоящей ни секунды моего внимания.

Я вычеркнул её из памяти, заменив идеальной во всем Евой. Я построил свою империю. Я добился всего, чего мог мечтать.

Но стоило мне сегодня увидеть её — растрепанную, побитую жизнью, укутанную в какую-то дешевую куртку, но смотрящую на меня с такой обжигающей ненавистью, — как моя идеальная реальность дала трещину.

Я понял, что ни черта не забыл.

Меня трясет от её наглой, отчаянной лжи.

«Мы познакомились сразу после развода…»

«Родилась на седьмом месяце…»

Я кривлю губы в злой, хищной усмешке, не отрывая взгляда от медицинских показателей в карте.

Кого она пыталась обмануть? Меня?!

Я — хирург. Доктор медицинских наук.

Я умею читать анамнез и вижу физиологию.

Соня — доношенный ребенок. И эти черты лица...

Когда я склонился над кювезом, у меня на секунду остановилось дыхание. В этом бледном, измученном болезнью лице я увидел себя. Свои темно-серые глаза. Свою упрямую складку на переносице.

Эта мысль пульсирует в висках, сводя меня с ума: Ника сбежала от меня беременной.

Она украла моего ребенка!

Пять лет она прятала мою дочь по каким-то трущобам, пока её сердце медленно разрушалось!

Костяшки моих пальцев белеют от напряжения. На меня накатывает гнев такой силы, что становится тяжело дышать.

Я уничтожу тебя, Ника!

Сотру в порошок за каждую секунду этой лжи, за то, что лишила меня права знать. Заставлю ползать на коленях.

Но мой мозг, натренированный спасать жизни, остужает первобытные инстинкты.

Чтобы заставить Нику ответить за всё, я сначала должен вытащить эту девочку с того света.

Мою дочь.

Я резко бью по кнопке селектора.

— Завьялова ко мне. Живо.

Через минуту в кабинет влетает заведующий реанимацией и главный анестезиолог. Я швыряю карту Сони на стол.

— Готовьте пятую операционную. У нас срочная операция.

Анестезиолог бледнеет, упираясь руками в стол.

— Артём Андреевич, это самоубийство! Она не выдержит наркоз. Посмотрите на показатели! Гемоглобин на нуле, фракция выброса критическая, сердце не тянет даже покой! Если мы дадим индукцию сейчас, она останется на столе. Девочку нужно стабилизировать, прокапать стимуляторы, дотянуть хотя бы до утра!

Я сжимаю челюсти так, что слышен скрип зубов.

Я ненавижу, когда мне перечат, но сейчас в его словах звучит медицинская правда.

Риск слишком огромен.

Одно неверное решение — и я убью её собственными руками.

Убью своего ребенка.

— До утра, — хрипло выдыхаю я, отворачиваясь к огромному панорамному окну. — Капайте максимальные дозы. Глаз с неё не спускать. Свободен.

Дверь закрывается.

Я остаюсь один в оглушающей тишине кабинета.

Я решаю не ездить сегодня домой и остаться в клинике. Я подхожу к рабочему монитору на столе и вывожу на него телеметрию из пятого бокса.

Зеленая кривая ЭКГ.

Цифры сатурации.

Давление.

Я опускаюсь в кожаное кресло и впиваюсь немигающим взглядом в экран.

Свет от монитора выхватывает из темноты мое напряженное лицо. Каждое сокращение её слабого, изломанного сердца отдается эхом в моей собственной груди.

Я сижу в этом кресле час, второй, третий, не в силах отвести взгляд.

Я смотрю на её пульс так, словно от этих зеленых скачущих линий зависит моя собственная жизнь.

Незаметно для себя я проваливаюсь в тяжелую, мутную дрему прямо в рабочем кресле, так и не отрывая взгляда от монитора.

Но ровно в два часа ночи меня вышвыривает из сна, словно от сильного удара током в грудь.

Я резко сажусь, тяжело дыша, покрытый холодной испариной.

Показатели на экране стабильны, но какая-то первобытная, необъяснимая, тянущая тревога скручивает внутренности.

Я просто физически больше не могу находиться вдали от этого бокса.

Мне нужно увидеть её.

Почувствовать, что она дышит.

В отделении реанимации царит приглушенный полумрак и тяжелая тишина, которую режет лишь мерный писк аппаратуры. Я бесшумно открываю стеклянную дверь пятого бокса.

Подхожу к кювезу. В свете дежурной лампы её кожа кажется почти прозрачной.

Я осторожно, стараясь не задеть катетеры, беру её крошечную, прохладную ладонь в свою.

Мой взгляд скользит по её тонким, изящным пальцам. Длинные фаланги. Идеальные «пальцы музыканта» или… хирурга.

Мои пальцы.

Меня рвет на части.

Внутри меня сейчас насмерть бьются два человека.

Один — циничный, хладнокровный врач, который видит лишь тяжелый диагноз, терминальную стадию и ничтожные шансы.

А второй — отец, который впервые в жизни слышит оглушительный зов собственной крови. Я всматриваюсь в каждую черточку её лица и понимаю: это действительно моё.

Моя плоть.

Моё продолжение.

Вдруг Соня слабо морщится сквозь тяжелый, наркотический полусон. Её пересохшие, бледные губы едва заметно шевелятся. Я наклоняюсь ближе, задерживая дыхание, чтобы расслышать.

— Папа… — едва слышно, на одном выдохе шелестит она. — Прилетай…

Меня словно бьют кувалдой по затылку.

Я застываю, чувствуя, как внутри всё сжимается до боли.

Прилетай? Я не знаю, какую сказку Ника вливала ей в уши все эти годы.

Кто по мнению этой девочки ее отец? Летчик? Космонавт? Герой-путешественник, который вечно в командировках?

Какая же это жалкая, отчаянная ложь!

Но эта ложь бьет меня сейчас сильнее любого скальпеля. Моя дочь ждала прилета мифического отца, пока я ходил по земле, даже не подозревая о её существовании.

Я всё еще держу её руку, когда кривая на мониторе над моей головой внезапно ломается.

Аритмия!

Писк аппарата меняет тональность, становясь тревожным, частым. А затем линия превращается в страшный, беспорядочный частокол.

Фибрилляция желудочков.

Сердце перестает качать кровь.

Сирена взрывает тишину бокса, но я не трачу ни секунды на то, чтобы звать помощь.

Я сам кидаюсь к ней.

Чистый адреналин выжигает всё лишнее в мозгу.

Я одним рывком срываю с неё простыню, запрыгиваю на край кровати, чтобы было удобнее, накладываю ладони на её крошечную грудину и начинаю жесткий, ритмичный массаж.

Раз. Два. Три.

Под моими руками — хрупкие детские ребра. Они податливые, они прогибаются так глубоко, что мне кажется, я сейчас их сломаю, но я не имею права ослабить давление.

Я должен завести этот насос!

Я физически ощущаю, как жизнь этой девочки — моей девочки — ускользает сквозь мои пальцы, как песок.

«Не смей умирать, слышишь?! — рычу я в собственной голове, вдавливая её грудную клетку. — Я не отпускал тебя! Ты не имеешь права! Я еще не получил свои ответы! А ты не встретилась со своим отцом!»

Сзади с грохотом распахиваются двери. Врывается дежурная бригада.

И среди них — Ратников. А за его спиной — Ника.

Я вскидываю на них бешеный взгляд. И в ту же долю секунды, посреди этого ада, меня с головой накрывает дикая, абсолютно неуместная ревность.

Ника стоит непростительно близко к Ратникову. Почему они вместе? Он ее опекает? Что они делали? Какого дьявола моя бывшая жена, мать моего ребенка, прячется за чужую спину?!

Я вижу лицо Ники. Она раздавлена.

Она смотрит на мои руки, лежащие на груди нашей дочери, и в её глазах лишь ужас. У нее такой взгляд, будто она смотрит на палача, который вот-вот отберет у нее самое дорогое.

— Быстрее! Мы ее теряем! — ору я сорвавшимся на хрип голосом, обращаясь к Максиму и реаниматологам. — Буду вскрывать прямо сейчас! Скальпель! Стернотом! Готовьте прямой массаж!

— Артём Андреевич, но это не операционная! — кричит кто-то из сестер. — Это же нарушение протокола! Это может грозить отзывом лицензии!

— Плевать на протокол! Дайте мне скальпель, мать вашу! Она не доедет до стола!

Это безумие.

Это прямой риск не только лишиться лицензии, но и пойти под суд! Я могу потерять клинику, работу, и тем не менее, мне абсолютно плевать на всё, кроме её угасающего пульса…

Но монитор над кроватью выносит свой приговор.

Пронзительный писк переходит в монотонный, непрерывный гул.

Пи-и-и-и-и-и-и-и-и-и.

Прямая зеленая линия.

Я замираю с занесенными для очередного толчка руками.

Моя грудь тяжело вздымается. Я медленно поднимаю глаза и смотрю сквозь стеклянную стену бокса.

Смотрю прямо на Нику.

Она бессильно сползает по стене вниз, оседая на пол.

В её глазах гаснет свет.

И в эту секунду, под оглушающий гул аппарата, ко мне приходит страшное понимание. Если Соня сейчас умрет, Ника умрет вместе с ней, прямо здесь, на этом кафеле.

От неё останется лишь пустая оболочка.

И тогда я останусь один. Навсегда один, в своем стерильном раю, наедине с целым ворохом неразрешенных вопросов, которые будут преследовать меня до конца моих дней.

***

Сможет ли Артем сотворить невозможное и вытащить свою девочку с того света? Спасибо всем, кто читает и не остается равнодушным!

*Поставьте книге лайк (мне нравится)*и подпишитесь на мой профиль *(https://litnet.com/shrt/h5eK)*чтобы вместе держать кулачки за маленькую Соню. ##

13. Вердикт

Зеленая линия на экране вытягивается в струну, и в ту же секунду кислород в моих легких испаряется.

Все внутри скручивается в ледяной комок.

Я не могу сделать вдох. Не могу даже закричать — голос отказывает, наружу прорывается лишь жалкий хрип.

Я медленно сползаю по холодной стене на пол.

Внутри меня всё обрывается. Моя душа, моя жизнь, мое сердце — всё это прямо сейчас умирает там, на этой белой кровати.

— Буду вскрывать прямо сейчас! Скальпель! Стернотом! Готовьте прямой массаж! — дикий, сорванный рев Артёма бьет по ушам сквозь стеклянную преграду. Он похож на обезумевшего зверя, загнанного в угол.

— Артём Андреевич, но это не операционная! — в панике кричит дежурная медсестра, отшатываясь от кювеза. — Это же нарушение протокола! Это нестерильный бокс! Нам грозит отзыв лицензии, подсудное дело!

— Плевать на протокол! — Артём с яростью отшвыривает в сторону какую-то стойку с лекарствами, и она с грохотом падает на пол. — Дайте мне скальпель, мать вашу! Она не доедет до стола!

Персонал в ужасе замирает. Секунды утекают сквозь пальцы, как вода, унося с собой драгоценное время.

И в этот момент хаос прорезает другой голос. Низкий, властный, не терпящий ни малейшего возражения.

— Выполнять приказ хирурга! — рявкает Максим Ратников так, что, кажется, звенят стекла в боксе. — Как заместитель главврача по лечебной части, беру всю ответственность на себя! Разворачивайте мобильную операционную! Дайте ему стернотом! Я держу гемодинамику и интубирую! Работаем!

Его уверенность действует на медсестер как пощечина.

Оцепенение спадает, и палата мгновенно превращается в улей.

Я сижу на полу, прижав дрожащие ладони к лицу, и сквозь пелену слез вижу абсолютно невероятную, невозможную картину.

Два сильных, властных мужчины, которые на дух друг друга не переносят и еще несколько часов назад готовы были вцепиться друг другу в глотки, сейчас работают как единый, безупречный механизм.

Максим стоит у изголовья, перехватывая контроль над дыханием Сони, диктуя дозировки адреналина, отслеживая каждый скачок давления.

Он — скала, удерживающая её тело на краю пропасти.

А Артём… Артём с пугающей, нечеловеческой скоростью и точностью работает голыми руками, делая прямой массаж крошечного, остановившегося сердца.

Секунды тянутся как часы.

Мои ногти впиваются в ладони до крови.

«Господи, пожалуйста… Господи, она же совсем ребенок…»

— Давай, давай же… — сквозь зубы рычит Артём, не прекращая ритмичных движений.

И вдруг…

Пи-и-и-и-и… Пик.

Пик.

Пик-пик… Пик.

Я вздрагиваю всем телом.

Писк монитора возвращается!

Ритм ломаный, рваный, до ужаса слабый, но он есть! Зеленая линия снова идет зубцами.

— Завели! — выдыхает кто-то из сестер.

— На каталку! — тут же гремит приказ Максима, перекрывая шум. — Теперь в главную операционную, бегом! Она на волоске! Подключаем Аппарат Искусственного Кровообращения!

Двери бокса распахиваются настежь.

Врачи срываются с места, выкатывая кювез с Соней в коридор, уносясь к лифтам. Артём, не отрывая взгляда от показателей и продолжая контролировать процесс, бежит вместе с ними.

Шум отдаляется.

Я остаюсь абсолютно одна в пустом коридоре.

Тишина оглушает.

Я поднимаюсь и на негнущихся ногах захожу в бокс. Смотрю на смятые простыни, на брошенные упаковки от шприцев, на несколько темных капель крови на ослепительно-белом кафеле — крови моей дочери.

И в эту секунду меня накрывает.

Броня, державшая меня всё это время, с треском лопается.

Меня скручивает пополам от первобытного ужаса. Я беззвучно кричу и задыхаюсь, впиваясь зубами в собственный кулак, чтобы не сойти с ума от этого ужаса.

Спустя какое-то время меня немного отпускает. Но ровно настолько, чтобы я снова смогла выйти в коридор и по памяти дойти до главной операционной.

Я тяжело опускаюсь на банкетку прямо перед закрытыми дверями главной операционной. Я обнимаю себя руками в жалкой попытке остановить бьющую меня крупную дрожь.

Соня там. А я здесь. И я больше ничем не могу ей помочь. Теперь все зависит только от того, кого я ненавижу всей душой.

От человека, испортившего мне жизнь.

Магнитные двери с тихим щелчком разъезжаются.

Я вскидываю голову.

Выходит Максим.

Он стягивает с лица хирургическую маску. На его светло-зеленом костюме отчетливо видно пятнышко крови.

Увидев ее, я перестаю дышать. Перед глазами всё темнеет.

Паническая атака накрывает меня с головой, стальными тисками сдавливая горло.

— Скажите, что она жива… — шепчу я, вскакивая на негнущихся ногах и пятясь назад к стене. — Пожалуйста… Она же такая маленькая…

Я задыхаюсь.

Воздух со свистом вырывается из легких, перед глазами пляшут черные мушки.

Мне кажется, что он вышел сказать мне самое страшное.

Внезапно, Максим в один шаг преодолевает расстояние между нами.

Он с пугающей мужской силой, но при этом невероятно надежно берет меня за трясущиеся плечи. Его пальцы впиваются в мои плечи, и он с силой встряхивает меня.

— Дыши, Вероника, — его голос звучит низко, властно, как раскат грома, прорезающий мою истерику. — Посмотри на меня! Быстро посмотри мне в глаза!

Я инстинктивно вскидываю голову.

В его глазах нет ни капли паники. Там только железобетонная уверенность.

— Она на столе, — чеканит он каждое слово, заставляя меня вынырнуть из пучины ужаса. — Мы её завели. Кровотечение под контролем. Аппарат искусственного кровообращения работает. Ты слышишь меня?

— Но… но… — я захлебываюсь слезами, цепляясь непослушными пальцами за его рукава.

Пальцы Максима на моих плечах сжимаются чуть сильнее. Он наклоняется ко мне, будто пытаясь защитить меня от всего мира. От всех страхов, что сейчас обрушились на меня.

— Слушай меня внимательно, Вероника, — произносит он фразу, от которой у меня по коже бегут мурашки. — Власов может быть кем угодно за пределами этой клиники. Он может быть самым конченым ублюдком, эгоистом и мерзавцем. Но там, в операционной, он — лучший в стране. Он скорее сам сдохнет на этом кафеле, чем позволит твоей девочке умереть. Поняла меня? Верь в него. Верь в свою дочь.

Его слова бьют наотмашь, но именно эта безжалостная, мужская честность срабатывает лучше любого транквилизатора.

Максим не врет мне. Он признает, что Артём — монстр в жизни, но напоминает почему именно он получил эту клинику.

И в этот момент рядом с Максимом я вдруг ощущаю такую мощную опору, что мое сбитое дыхание медленно выравнивается.

Я судорожно киваю, глотая слезы.

Но начинается самое ужасное.

Ожидание.

Время просто перестает существовать.

Я сижу прямо на холодном кафельном полу у закрытых магнитных дверей оперблока, подтянув колени к подбородку. Над дверями горит безжалостная красная лампа: «ИДЕТ ОПЕРАЦИЯ».

Тишина больничного крыла давит на барабанные перепонки.

Пахнет хлоркой, спиртом и отчаянием.

Максим не оставляет меня одну. Он периодически появляется рядом, молча садится на корточки и вкладывает мне в руки пластиковый стаканчик с водой.

— Пей, — коротко приказывает он.

Я делаю глоток безвкусной, отдающей пластиком воды только для того, чтобы он не заставлял меня пить силой.

Мой разум играет со мной в жестокие игры. Каждый раз, когда где-то вдалеке хлопает дверь или раздаются шаги, мое сердце замирает.

Я до одури боюсь, что створки разъедутся, выйдет кто-то из ассистентов и ровным, протокольным голосом произнесет: «Время смерти…».

Нет…

Я не могу об этом думать! Не хочу!

Проходит семь часов. Восемь. А может, и все десять.

Я молюсь всем святым, обещаю отдать свою жизнь, свое здоровье, продать душу — что угодно, лишь бы эта красная лампа не погасла вместе с жизнью моей дочери.

И вдруг… щелчок.

Красный свет над дверями мигает и гаснет.

Мое сердце пропускает удар и останавливается.

Я перестаю дышать.

Воздух в коридоре становится густым и тяжелым.

С тихим шипением матовые створки медленно разъезжаются в стороны.

Я поднимаю воспаленные, красные от слез глаза.

Оттуда выходит Артём.

Он уже снял хирургическую маску и шапочку.

Его вид заставляет меня содрогнуться. Он выглядит так, словно сам только что побывал в преисподней. Лицо осунувшееся, мертвенно-серое от нечеловеческой усталости. Под глазами залегли глубокие, черные тени.

Я с трудом опираюсь руками о стену и поднимаюсь на ватных, негнущихся ногах. Колени дрожат так сильно, что я едва стою.

Артём тяжело, медленно подходит ко мне.

Его лицо абсолютно непроницаемо. Это мертвая, каменная маска хирурга. По ней невозможно прочитать ничего — ни горя, ни облегчения.

В горле пересыхает настолько, что язык прилипает к нёбу. Я делаю навстречу ему один неуверенный, шаткий шаг.

— Артём… — шепчу я. Мой голос звучит как шелест сухих листьев. Меня снова трясет. — Как… как всё прошло?

Он останавливается в метре от меня.

Медленно поднимает свой темный, невероятно тяжелый взгляд. Он смотрит мне прямо в глаза, и говорит…

14. Вскрытые раны

Тишина в коридоре оглушает, давит на барабанные перепонки.

Артём смотрит на меня.

Его темный, тяжелый взгляд проникает под самую кожу, препарируя мою истерзанную страхом душу.

Мне кажется, будто он молчит целую вечность. Но потом, его бледные губы едва заметно шевелятся, и он выдыхает всего одно слово:

— Жива.

Мир вокруг меня начинает бешено вращаться..

— Операция прошла успешно, — жестко, рублеными фразами добавляет он, не отрывая от меня своих потемневших глаз. — Клапан заменили. Но гемодинамика пока очень слабая. Организм истощен. Следующие двадцать четыре часа — критические. Она на аппаратах.

Жива. Только это имеет значение.

Всё остальное сливается в сплошной фоновый шум.

Напряжение, державшее меня все эти часы, внезапно лопается. Ноги мгновенно превращаются в вату, меня безжалостно тянет меня вниз, прямо на холодный кафель.

Я оседаю, закрывая глаза, но упасть не успеваю.

Артём делает резкий выпад вперед. Его сильные руки перех

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.